

Яма Сандерс

ПОПАДААНКА

Переполох в школе

Эттерфилда

18+

Яна Сандерс

**Попаданка. Переполох
в школе Эттерфилда**

«Автор»

2026

Сандерс Я.

Попаданка. Переполох в школе Эттерфилда / Я. Сандерс —
«Автор», 2026

Упасть с верхней полки плацкарта и проснуться в другом мире? Легко!
Теперь я больше не учитель на пенсии и готова вновь взяться за указку.
Вот только школу, где мне предстоит работать, скоро закроют, а местный
земледелец даже слушать не желает о том, чтобы сохранить её. Что ж,
придётся провести с ним воспитательную беседу, хоть и страшно порой.
Почему? Да потому что так на меня ещё никто никогда не смотрел! В смысле,
я буду твоей, и всё решено?! Судьба?! Не верю! Всё можно изменить, и я
обязательно исправлю ошибки, цена которых слишком высока, чтобы её
платили невинные. В книге вас ждёт: - мир без магии, - пенсионерка в теле
молодой учительницы, - женская дружба и взаимовыручка, - вредный лорд,
которого иногда хочется поставить в угол на горох и розгами, розгами!!-
любовь на грани одержимости- справедливое возмездие- капля мистики-
хэппи энд

Рейтинг 18+ установлен в связи с некоторыми нюансами цензуры

© Сандерс Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	33
Глава 11	36
Глава 12	39
Глава 13	43
Глава 14	47
Глава 15	50
Глава 16	53
Глава 17	57
Глава 18	60
Глава 19	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Яна Сандерс

Попаданка. Переполох в школе Эттерфилда

Глава 1

Шорох под столом нашего купе вырвал меня из мерного гипноза от стука колёс. Я всегда любила этот гулкий ритм. Под него так приятно было коротать время в дороге. Ещё бы улечься поудобнее в этой тесноте. А то спина болит, хоть вой. С усилием перевалилась на другой бок и увидела, как из-под стола, закончив шуршать, высунулась Зина. Точнее, её пушистая седая голова с парочкой хитрющих глаз. Казалось бы, прошло уже столько лет, эта женщина трижды побывала замужем, пятерых детей вырастила. А всё такая же по-девичьи бойкая и готовая к авантюрам.

— Марина, Рая, девчонки! — раздался её командный голос. — Подъём! Хватит бока отлёживать.

Я не спала. Так и не получилось из-за спины. Глянув на подругу со своей верхней полки, обвела глазами стол, остановилась на толстой бутылке из тёмного стекла, в которой явно не чай плескался в такт качке поезда.

— Это что? — спросила я, уже зная ответ.

— Подарок, — сказала подруга, облизываясь. — За сессию, отработанную с минимальными потерями.

— Взятка, что ли? — ахнула Рая, которая эти сутки обитала прямо подо мной на нижней полке.

— Типун тебе, Раиса Львовна, — усмехнулась Зина. — Я взятку не беру, ты же знаешь. Студент на радостях, что сдал экзамены, занёс. А я, что, дурочка, отказываться? Взяла и приберегла для особого случая. Спускайся, Марин, будем конец учебного года отмечать и начало каникул. Бюджетникам как никому праздники полагаются. Так что отождём сегодня, как Макарка мой говорит.

Раю я сверху не видела, зато слышала смех её залиvistый.

— В наши годы поздно уже отжигать, Зин, — сказала она. — Безопаснее лежать и не двигаться, чтобы не сломать чего-нибудь ненароком. Кому как ни тебе это знать? А коньяк хлестать — последнее дело. В медицинских целях ещё куда ни шло, глоточек перед сном. Но вот так бутылку целую... Нет, девочки, мне уж точно здоровье не позволит. Да и вам, как специалист, не советую.

Зина, которая уже успела откупорить бутылку, шумно выдохнула и осуждающе уставилась на подругу.

— Нет, вы только посмотрите на это светило отечественной медицины, — сказала она и поправила рукой со свежим маникюром ворот элегантного хлопкового костюмчика. — Ветеран труда, столько лет в три смены пашет, еле отпуск себе летом выторговала и нос от коньяка элитного воротит! Рая, возраст в голове. И на твоём месте я бы сейчас в такой отрыв пошла, чтоб всем завидно стало, и дым коромыслом.

Рая ахнула. Я же улыбалась сверху, слушая их и стараясь не думать о спине, которая всё никак не успокаивалась. Сосед наш — мужчина немногим меньше сорока лет, коему ой как не повезло коротать дорогу с тремя шальными императрицами — ещё со слов про коньяк замер и перестал тыкаться в телефон.

— Нет, Раиса, не сваривай с тобой каши, — продолжала поучать Зина. — И мне страшно подумать, что станет, когда тебя на пенсию спровадят. Вон Маринка уже всё, лежит и не встаёт. А она ведь всего год, как с работой распрощалась, и, казалось бы, вольная воля наступила, делай что хочешь. Но что-то пошло не так.

— Просто на пенсии уже только покоя хочется и тишины, — сказала я. — Раю поддерживаю. Тусовки наши остались в прошлом. И печень уже не та, — я покосилась на бутылку.

— Знаете, что, — Зина изобразила недовольство. — Уйду я от вас. Найду себе компанию из лёгких на подъём мальчиков и зажгу с ними. А вы лежите, пенсионерки. Отдыхайте. Нет, я зачем вас с собой на море взяла? Чтобы вы тут страдали? Чтобы от коньяка моего отказывались? Сейчас приедем и загуляем как в последний раз. Жизнь одна, девочки. И когда есть возможность оторваться, нужно хватать её за рога.

Сжав челюсти и преодолевая боль в спине, я с трудом, но всё же спустилась и, усевшись рядом с Раей, тяжело вздохнула. Похоже, не избежать нам нынче отрыва. Главное, аптечку далеко не убирать.

Зина — декан факультета журналистики — всегда была заводилой в нашей компании. Я познакомилась с ней, когда училась в педагогическом. И тогда уже её бойкая натура кипела, выплёскивая брызги неуёмной энергии всюду, где бы Зина ни оказалась, и заражая драйвом окружающих. Подруга училась хорошо, но это не мешало ей устраивать дискотеки в нашей комнате, хоть они и были запрещены, срывать занятия, если считала, что учитель неправ. А в последнем семестре, когда мы готовились к экзаменам и писали дипломные работы, вообще съехала из общежития и стала жить со своим первым будущим мужем. Строгие родители Зины подобного бы не одобрили, мягко говоря, и она всё полугодие очень умело скрывала от них правду. Благо жили те в другом городе и нечасто виделись с дочерью. Зато когда она приехала домой после сессии с женихом и огромным животом, маме её поплохело. Даже скорую вызывали. Но всё, слава богу, обошлось.

В противовес товарке я всегда была тихая и скромная. Даже не знаю, почему Зина именно меня себе в подруги выбрала. Возможно, понимала, что только я могла притормозить её активность, когда она совсем уж теряла голову.

После вуза мы по распределению попали в разные школы города. В своей я так и осталась учителем русского и литературы. А Зина через несколько лет после развода с первым мужем пошла работать в университет. И вскоре стала женой ректора.

У меня в личном не сложилось. Отношения никогда не доходили до чего-то серьёзного. То ли внешностью не удалась, то ли скромная была излишне, и парни просто не знали, что со мной делать. Потому и детишками я тоже не обзавелась, отдав всю себя школе и ребятам.

Отчасти Зина была права. Уйдя на пенсию, я потеряла интерес к жизни и впервые ощутила пустоту. Чего-то важного и главного так и не случилось. И теперь хотелось лишь одного — чтобы меня оставили в покое.

Но Зина была бы не она, если бы не растормошила нас с Раей и не вытащила на море. Я не хотела ехать. Но ровно до тех пор, пока не села в поезд. Теперь я была благодарна подруге за участие. А ведь ей и впрямь не составило бы труда найти себе компанию повеселее.

Рая — её соседка по лестничной клетке и по совместительству мой участковый терапевт — очень гармонично вписалась в нашу жизнь пятнадцать лет назад. С тех пор мы частенько встречались то у неё на кухне, то у Зины. И я полагала, так будет всегда.

— Хватит! Куда ты столько льёшь? — Рая опасливо выставила перед собой ладонь, не давая подруге наполнить коньяком стакан до краёв.

— Куда надо. Тебя муж отпустил с подругами на море впервые за сорок лет брака. Это нужно отметить. А вообще девочки, — продолжала она, наливая теперь мне, — жить надо так, чтобы там, — она осторожно возвела палец к потолку, — историями вашей земной жизни

зачитывались все службы небесные. Как у Бендера было: «Разбор грехов моих оставьте до поры. Вы оцените красоту игры!»

Она свела губы трубочкой и чмокнула себя в кончики пальцев, растопырив их на манер человека, которому вкусно. Рассмеялась как девчонка, гремя массивными бусами сочного кораллового оттенка.

А ведь так и есть. Эта женщина жила свою жизнь со вкусом. И ни разу не пожалела ни о чём. Да и о чём ей было жалеть? Она ничего не боялась, бросалась в гущу событий, будучи уверенной, что ей там самое место и без неё никак. Хотя нет. Бывало, и она боялась. Боялась не успеть заскочить в последний вагон, когда жизнь подкидывала ей очередную авантюру.

Я завидовала. Да, мне стыдно в этом признаваться, но я завидовала подруге. А смелости за жизнь так и не набралась, лишая себя всех на свете возможностей быть счастливой.

— За нас, девочки, — провозгласила Зина, поднимая кружку. — Мы самые лучшие, самые красивые, самые сексуальные, и пусть кусают локти те, кому мы не достались!

Я закрыла ладонью лицо, с усилием сдерживая смех. Рая ахнула. Неужели не привыкла ещё к этим шуточкам? Но её можно было понять, мы ведь сидели в плацкарте битком набитого народом вагона. И красочный тост Зинаиды Васильевны слышали как минимум по три купе в обе стороны вместе с боковушками. Кто-то улыбался, выглядывая из-за перегородки, в голос рассмеялся пассажир соседнего купе, наш сосед уронил телефон, и тот с грохотом приземлился на пол. А я поняла, наконец: путешествие это будет весёлым. И ещё неизвестно, кто станет смеяться последним.

Осушила свой стакан, когда за окном совсем стемнело. Зина порывалась песню затянуть. Но когда поняла, что с нами каши не сваришь, отправилась продолжать веселье с вахтовиками из другого вагона. Под градусом я почти перестала чувствовать спину, зато голова закружилась настолько ощутимо, что я испугалась наверх залезать. Но выбора у меня не было. У Зины в анамнезе уже имелся перелом шейки бедра, а Рая ужасно боялась упасть с верхней полки. В связи с этим, дождавшись, когда голова успокоится, я засобиралась к себе. Но, не достигнув цели совсем немного, оступилась и стала падать. А потом случилось странное.

Глава 2

Я точно помню, как падала. Как больно ударилась коленом о стол и начала заваливаться на кровать Зины, которой, к счастью, на месте не было. Когда приложилась затылком обо что-то твёрдое, искрами, что фонтаном брызнули из моих глаз, казалось, можно было разжечь костёр.

На миг провалилась в беспамятство, хотя скорее мне это почудилось. Боль в колене и затылке не дали отключиться. Зато спина вдруг прошла. Неужто у меня там при падении что-то на место встало?

— О-ой, — простионала, хватаясь за голову. — Рая, миленькая, я никого не зашибла?

Ощутила прикосновение к руке и, полагая, что это подруга. Крепко сжала её ладонь. Села, выпрямилась, медленно разомкнула веки, да так и замерла. То, что я увидела перед собой, поражало абсурдностью и походило больше на кадры кинофильма. Плацкарт, в котором я ехала ещё минуту назад, превратился вдруг в электричку с жёсткими сиденьями. Но более всего изумило меня, что среди людей вокруг не было ни одного знакомого лица. И одеты все эти новые люди были очень уж необычно для простой поездки на поезде Екатеринбург — Анапа.

— Рая, Раечка, ты где? — спросила я, оглядываясь. И где я, собственно говоря? Это бред? Я провалилась в обморок?!

Точно! После удара мне всё мерещится, и я сейчас очнусь.

Но при первой же попытке встать боль в колене сообщила, что всё слишком реально. Пугающе реально, я бы сказала.

— Мисс Линда, — чей-то голос прямо в ухо едва не оглушил. — Ваши очки!

Я повернулась на звук и увидела рядом женщину. Одета она была как и все в этом бреду. Так, вероятнее всего, одеваются артисты театра и кино, изображая сцены прошлого: сарафан поверх рубахи, косынка на голове. Наблюдая дам в платьях с широкими длинными юбками и объёмными бантами на поясе за спиной, мужчин в подпоясанных рубахах и сюртуках с тросточками и в высоких цилиндрах, я ждала, что сейчас кто-нибудь крикнет: «Камера! Мотор!»

Но никто не кричал, а дама с очками, выискивая какую-то мисс Линду, всё не унималась.

— Мисс, берите скорее! Счастье, что они не разбились. Ну же!

Не выдержала.

— Что вы пристали ко мне, женщина?! — вспыхнула я. — Это не мои очки!

— О, бедная мисс! — благодетельница едва не расплакалась и заохала. — Похоже, головой убилась и не помнит ничего. Конечно, так тряхануло. Вот ещё книжечка. Вы её читали. Неужели забыли?

Я покосилась на обложку с незамысловатым названием.

«Любовница графа Ардо» — гласили крупные буквы.

К щекам прилила кровь. Я ж такого не читаю! Что вообще происходит?!

Только теперь я поняла, что в вагоне царит суэта. Напуганные женщины переговаривались и успокаивали немногочисленных детей, мужчины ходили туда-сюда, то исчезая из виду, то возвращаясь с людьми в форме. Вот только форму работников РЖД я везде узнаю. А той, в какую облачены были сотрудники этого поезда, место как минимум в музее старины.

Молча кивнув, приняла очки у соседки и нехотя забрала книгу. В ту же минуту рядом с моим местом остановились двое.

— Что происходит? — спрашивал один из них, одетый в военный мундир с офицерскими знаками отличия. — Почему стоим?

Какая-то женщина из-за моей спины не дала ответить. Она и до того причитала, не умолкая. А когда увидела людей в форме, завывала воем:

— Все яйца побились! Да что же это делается, люди добрые?! Куда деваться-то теперь?!

— Дальше дороги нет, почтенные пассажиры, — заявил человек в светлой форме. — Рельсы ливнем размыло. Ждать придётся, пока из столицы рабочих привезут.

— Да когда ж их привезут? — спросил кто-то.

— Только гонца с письмом отправили. Не раньше завтрашнего дня.

После этих слов гул поднялся такой, что мне пришлось отвлечься от разглядывания кистей на мундире офицера. Всеобщая паника, замешенная на отчаянии и недовольстве, стала потихоньку передаваться мне. Я перестала вдруг ощущать себя зрителем этого фильма с эффектом присутствия. Чувства и ощущения обострились, и резко стало накатывать понимание происходящего.

— Запрягайте экипажи! — кричали одни пассажиры.

— Нас ждут в городе! — шумели другие.

— Дайте нам место на постоялом дворе!

— А не лопнете?! — расхохотался кто-то. — Вас разве что в сарае на сене укладывать, господа хорошие. Двор им подавай. Мест не напасёшься.

От шума и ругани голова разболелась ещё сильнее. Я медленно осознавала, что оказалась непонятно, где и непонятно, куда ехала до тех пор, пока поезд не сошёл с рельсов.

Пассажиры, сидевшие рядом и те, что напротив, давно собрали вещи, которые попадали с полок во время резкой остановки.

Теперь под моими ногами, обутыми в высокие сапожки, и закрытыми подолом платья, которое я не узнавала, лежал одинокий ридикюль. И так как больше никто не претендовал на багаж, я предположила, что это была моя сумка, и, не без усилия подняв её, поставила на колени и раскрыла.

В сумке лежали книги. В основном такие же лёгкие романы о невозможной любви, в которую хочется верить. Но имелись и другие. Вынув одну из них, я поняла, что передо мной учебник. Пролистав его, убедилась в догадке.

Цифры, нехитрые примеры, кружочки, квадратики. Так это же учебник математики. Только таких книг с изящными шрифтами и в аккуратном кожаном переплёте я никогда не видела. Даже у старьёвщиков и антикваров. Отложила книгу. Взялась дальше искать. А когда между двумя тонкими брошюрами обнаружился листок, встряхнула его и прочитала:

«Мисс Линда Петерсон,

Рады сообщить вам, что вы приняты на должность учительницы математики в школе Эттерфилда.

Будем ждать вас по адресу:

Округ Арденхилл, поселение Эттерфилд, школа мисс Верди»

Уставилась перед собой.

И как прикажете этот Арденхилл искать?

Я смогла подняться со своего места, когда вагон опустел наполовину. Конечно, мне следовало броситься на собственное спасение одной из первых, невзирая на больную ногу. Но силы меня покинули. Не физические, а душевные. И примириться с постигшей меня участью, принять факт, что я больше не дома, было почти невозможно. Новые обстоятельства, разом окружившие меня, были далёких от понимания академическим складом ума. Всё равно что попасть в такой вот любовный роман. Я вынула наугад ещё одну книгу с красноречивой обложкой и прочитала:

«Единственная для короля».

Что ж, хотелось верить, что в постигшем меня бреду удастся избежать таких вот приключений.

Крепко сжимая в руке увесистый ридикюль, я протиснулась между лавкой и упитанным мужчиной, который шумно переговаривался с соседом, по ошибке забравшим его вещи. В последний момент, не дав выйти в тамбур, меня окликнул проводник.

— Ваш чемодан, мисс Петерсон, — мужчина протянул здоровенный кожаный куб с ручкой, обитый с углов металлом. — Где ваш сопровождающий?

Непонимающе похлопала ресницами, переводя взгляд с чемодана на мужчину в фуражке.

Ну и что я могла ответить? За время, пока в поезде царил суега, моим самочувствием не поинтересовался ни один из мужчин. А потому я ответила:

— У меня нет сопровождающего.

— Но чемодан очень тяжёлый. Вы не справитесь с ним.

— Благодарю за беспокойство, — ответила, принимая поклажу и осознавая в полной мере, что она не просто тяжёлая, а неподъёмная. — Иногда жизнь подкидывает нам неожиданности, и нужно быть к ним готовыми. Морально и физически.

Последние слова произнесла с надрывом, пытаясь сдвинуть с места поклажу.

Боже мой, да что же эта Линда натолкала туда?!

— Я помогу вам.

Проводник принял мои вещи и, спустившись с откидной лестницы вагона, первым, подал мне руку. Но я её не приняла. Не до рук мне было, потому что залюбовалась пейзажем. Он хоть и мало отличался от привычных видов на природное раздолье, что часто мелькали из окон поездов, но кое-что здесь было иным. Поле колосьев золотилось под лучами солнца, вдали виднелся лес, природа расцветала в сиянии нового утра, а по тропинке среди поля друг за другом катили две повозки. Казалось бы, ничего примечательного. Но горизонт, на котором всходило солнце, был розово-сиреневым. Как и горы вдали.

Что же это за оптический эффект такой?

— Мисс? — голос мужчины заставил опомниться.

Я спустилась и, оглядевшись, поняла, что поезд был совсем небольшим — всего три вагона и, судя по экипажам, которые удалялись от нас по полю, здесь уже наладили трансфер.

— Куда вы ехали, мисс? — участливо спросил проводник и, подхватив чемодан, пошёл туда, где толпились в ожидании повозок люди.

— Эттерфилд, — припомнила я текст письма и сама не поверила, что несу эту чушь. — Он в округе Арденхилл.

Мужчина остановился.

— Так это же чудесно! — сказал он вдруг. — Здесь всего ничего осталось до Эттерфилда. Мы с вами на западной границе Арденхилла, в Крейшире. Со следующей повозкой отправим вас по адресу.

Видимо, я должна была обрадоваться. Но слова мужчины не впечатлили. Вот если бы он сказал, что это всё розыгрыш, Марина Витальевна, и вас, мол, снимает скрытая камера, тогда бы я улыбнулась и выдохнула с облегчением. Но ничего этого не было, и люди в старинных одеждах никуда не исчезали.

— Мисс Линда! — знакомый заполошный голос окликнул меня, и от толпы отделилась та самая женщина, что подавала мне очки. Подхватив юбку, она заспешила в мою сторону, а когда подбежала и взяла мою руку, потянула за собой. — Где же вы ходите, мисс? — она укоризненно посмотрела на меня. — Договаривались же держаться вместе. Пойдёмте скорее. Сейчас падре Густав вернётся, я вам очередь заняла.

Даже не подумала спорить, покорно ступая за женщиной и внутренне посмеиваясь над происходящим.

Ну-ну. Что ещё меня ждёт?

Проводник донёс мой чемодан туда, где остановилась дама, и, пожелав счастливого пути, удалился.

Усевшись на чемодан и обняв свой ридикюль, я стала ждать.

Окружавшие меня люди о чём-то беспрестанно спорили. В основном о том, кому требуется уехать отсюда в первую очередь. Моя спутница ловко отбивала всякие поползновения

занять наши с ней места, тогда как я в споре не участвовала. Интересно было наблюдать за всем со стороны. Я слушал чудной говор крестьян, который, к собственному изумлению, понимала, как родную речь, рассматривала одежду, по которой сразу можно было понять, кто из какого класса поезда вышел. Всех этих людей постигла одна беда, и ей не было дела до положения пассажиров в обществе.

Поняла, что хочу пить, когда светило поднялось над кронами деревьев и озарило скалы вдали. Их необычный оттенок настораживал и всё больше убеждал в подозрении, что я нахожусь за гранью реальности. Ну не бывает таких сиреневых скал. Я по географии всегда пятёрку имела. А ещё нельзя было просто так, не изучая предварительно чуждый язык, понимать разговоры и письменные тексты.

Не найдя воду в ридикюле, я вознамерилась открыть чемодан, чтобы поискать её там. Но как только взялась за край мудрёного замка, насторожилась.

Люди вокруг меня вдруг притихли. Подняв взгляд, я поняла, что стало причиной тишины. С боковой тропинки, протоптанной вдоль железнодорожной колеи, приближались всадники, лица которых были закрыты чёрными платками.

Когда первый из них приблизился и, соскочив с лошади, вынул из-за пояса револьвер, раздался женский крик.

— Ценности в обмен на ваши ничтожные жизни, — хрипло проговорил мужчина, прицеливаясь.

Глава 3

В молодости я смотрела американские вестерны. Не потому, что люблю боевики и прочее кино в этом духе. Просто мне актёр один уж больно нравился.

Теперь же, глядя на мужчину, который медленно водил готовым к бою пистолетом, выбирая случайную жертву, мне становилось страшно. Этот актёр мне не нравился. А ощущение реальности болезненно впилося в грудь.

— Открывай чемодан, — приказал бандит, по злой иронии оказавшись ближе всего ко мне.

Я же, вцепившись в железные петли трясущимися руками, не знала, что делать.

Стала дёргать крепление во все стороны, но оно не поддавалось. Если бы был хоть какой-то замок, похожий на те, с какими я привыкла иметь дело, может, и справилась бы. Но тут всё было очень сложно.

Незнакомец терял терпение, тогда как его подельники, спустившись с лошадей, стали обходить толпу. Они держали на прицелах пассажиров и беспардонно срывали подвески, кольца с шей и рук.

— Не тронь мою жену! — рявкнул мужчина у меня за спиной. Обернувшись, я узнала того самого военного из поезда. Он бесстрашно прикрывал собой девушку, к которой тянул руки бандит. Рядом стояла ещё одна и опасливо жалась к защитнику.

— Пошёл вон! Жить надоело! — проскрипел негодяй, ткнув в живот военного ствол.

Тот не ответил. Ловко выбив из руки человека с платком на лице пистолет, он схватил его за плечо, крутанул на месте и, обвив рукой за шею, свернул её.

Всё происходило так стремительно, что я ахнула. Мне в такт вторили остальные. Когда безжизненное тело мешком повалилось к ногам мужчины, он заговорил, глядя исподлобья на предводителя шайки.

— Твою физиономию ни одна маска не скроет, Вилли Обрез. Я генерал их величеств, Максимус Этлрейд. Именем короля и королевы, грязный шакал, убирайся отсюда. Иначе займёшь место на городской виселице быстрее, чем думаешь.

Тот, кого называли Вилли Обрез, прищурился, сверкая на генерала тьмой чёрных, злоеющих глаз, над одним из которых белел глубокий шрам, и расхохотался.

— Премного благодарен, ваша светлость, что свернули шею этому безмозглому псу. Не придётся делить с ним добычу. А теперь не будь дураком, Максимус и вспомни, у кого из нас оружие.

Он приподнял ствол и направил дуло на генерала.

— Чемодан, — прорычал гад, обращаясь, видимо, ко мне. Я же, перепуганная и ошалевшая, оцепенела.

— Роби, поторопи эту дуру! — не выдержал Вилли. — Все! Открыть чемоданы!

Меня с силой отпихнул третий из шайки. Упав на землю, я больно ударилась плечом о камень. В ту же минуту, ощутив боль, страх и холод от намокшей в луже юбки, я в очередной раз поверила в правдивость происходящего.

Вооружённые бандиты, напуганные пассажиры, генерал, который пытался защитить жену, и я, лежащая в мокрой грязи посреди этого кошмара.

В своей жизни я никогда не шла на риск. Всегда предпочитала избегать неприятности, даже в мелочах. Или же просто никогда не попадала в настолько опасные ситуации. Но в ту минуту что-то включилось. Что-то дремлющее, ожидавшее много лет своего часа. Я медленно поднялась, осторожно, не привлекая внимания. А когда остановилась за спиной мужика, курящего мой чемодан, никто даже не обратил на это внимания.

Кому может быть интересна кисейная барышня, не способная защитить себя? Однако же когда я, размахнувшись, со всем силой заехала сжатым в руке камнем по плешивому затылку бандита, притихли даже плачущие дети.

Глупо крякнув, человек медленно осел на колени, а затем без чувств повалился набок.

— Ах ты дрянь!

Вилли навёл на меня дуло, но я не успела испугаться. В те секунды как будто вообще перестала бояться, находясь во власти захлестнувшего меня адреналина.

Раздался выстрел, я смежила веки и ведь даже боли не ощутила, зато приготовилась падать. Но забытьё не наступало. А когда Обрез, схватившись за плечо, взревел и уронил пушку, опомнилась.

Он принялся ругаться, не выбирая выражений, тогда как по стиснутым пальцам его струились алые потоки. А когда мужчина бросился к лошади и стал неуклюже карабкаться на неё, как раз подоспел генерал. Он схватил бандита, который уже свесился поперёк лошадиного крупы, за полы поношенной куртки и, стащив с лошади, повалил его на землю.

Вилли зашипел от боли. Но больше ничего не мог сделать. Генерал скрутил его, заламывая руки и связывая их собственным ремнём.

— Отличная работа, святой отец, — похвалил он человека, которого я сразу не заметила. Развернувшись, увидела мужчину в чёрной рясе. Тот сидел на месте возницы в телеге, запряжённой фыркающей и взволнованной лошадей. Чудо, что та не дала дёру, услышав выстрел. Или, может быть, привыкла к этим звукам?

О, боже мой. Куда же я попала?

Стбит признаться, более противоречивой картины я в жизни не видела.

Священник с дымящимся пистолетом, казалось, сам от себя не ожидал такой прыти. Смотрел испуганно и выглядел настолько юным и невинным, что мне стало жалко его.

— Я здесь ни при чём, — проговорил он звонко и поспешил спрятать оружие в карман. — Если бы не мисс, я не осмелился бы воспользоваться моментом.

Все посмотрели на меня. И как часто бывало в моей жизни, я пришла в ужас от внезапного внимания.

— Как вы, Линда? — ко мне тут же подскочило несколько женщин во главе с соседкой по купе. — Удивительно, что вам удалось совладать с этим типом.

— О вас напишут в газетах! Оглушить самого Герта Пирса!

Они бы ещё долго шумели, если бы генерал не вмешался.

— Думаю, никто не станет спорить, если мисс, — он сделал паузу, ожидая, чтобы я представилась.

— Линда Петерсон, — проговорила я поспешно.

— Если мисс Линда отправится в город прямо сейчас и отыщет себе приют. Кто сопровождает вас?

— Я! — выпалила соседка. — Я её сопровождаю, и сейчас как раз наша с Линдой очередь. Да, наша, я занимала, а вы не знаю, кто такая, и вижу вас в первый раз, — она препиралась с очередью, в то же время подталкивая меня к телеге.

Когда мы заняли места, вместе с нами село ещё пятеро человек. Но Генерал присоединяться не спешил.

— Мы ещё побудем здесь, — проговорил он, обнимая за плечи девушек, которых сопровождал. — Нужно дождаться полицейских, чтобы сдать им этого человекообразного, — мужчина пренебрежительно посмотрел на Вилли, лежавшего на земле и трепещущего, словно огромная гусеница. — Счастливого пути, господа. Я спокоен за вас. В компании мисс Линды и падре Густава бояться нечего.

Мужчина улыбнулся, и повозка тронулась. Обняв ридикюль, я в полной мере осознала, наконец, что передо мной не видение и не киносъёмки. Каким-то чудом меня занесло в другой мир и в жизнь другого человека, чьё место я заняла. Но так не бывает!

Хотя почему же? Ведь о чём-то подобном читала не так давно Зина и рассказывала мне потом взахлёб про приключения попаданки. Я только диву давалась, не восприняв историю всерьёз.

Фантастика? Фэнтези? Или новая реальность?

Пришлось схватиться за виски, чтобы унять головокружение. Если это и впрямь новая реальность, нужно научиться в ней как минимум выживать.

Глава 4

К счастью, разговорчивая соседка переключила своё внимание на других пассажиров и теперь без умолку щебетала с супружеской парой. На коленях у мужчины спал мальчик лет семи, которого настолько сморила усталость, что никакой шум его не тревожил.

Из их разговора я поняла, что муж и жена были работниками неких землевладельцев по фамилии Хальт, которые распорядились теми самыми землями, где стояла школа. А их соседи — некие Белрейды, чьи владения мы прямо сейчас проезжали — много лет бодались с Хальтами за спорные территории. Не сумели размежевать всё чин по чину в своё время, вот и результат.

— Ошибаетесь, миссис Дикс, — неожиданно встрял в разговор троицы священник, сидевший прямо за их спинами на облучке повозки. — хозяйева этих земель не так давно заключили мир.

— Да что вы! — ахнула моя соседка. — Быть не может! Когда старый лорд Хальт богу душу отдал, Урсула Белрейд как с цепи сорвалась. Лорд при жизни сдерживал её алчную натуру. Но теперь-то защиты у наследников нет, и она угрозами их изводит, письмами в столицу пугает.

— Вот-вот. Говорят, с жалобами своими аж до королевской почты добралась, — подхватил кто-то.

Священник насмешливо покосился на женщин. Тогда как вся телега с интересом ждала, что ещё им скажут.

— Вы очень не вовремя уехали, дорогая Тильда, — проговорил Густав. — И за это время случилось одно значительное событие, — взгляды присутствующих переметнулись на мужчину. — Теперь Лариэль Белрейд и Винсент Хальт помолвлены.

От многоголосого изумления я вздрогнула и по инерции крепче обняла ридикюль. Мне ведь невдомёк было, кто эти люди, и почему их помолвка так взволновала общественность.

— Вот хитрая стерва, — заключила Тильда.

Собеседники женщины и священник лишь сдержанно улыбнулись.

Мы ехали по ощущениям около часа. Когда закончилось пшеничное поле, то тут, то там стали возникать одинокие домишки с нехитрым хозяйством из покосившихся построек и огородами. По мере продвижения домов становилось всё больше, а когда телегу перестало трясти, и мы выехали на относительно ровную колею, пейзаж впереди принял форму старинного городка с неширокими улицами, магазинами и мастерскими.

На одну из таких улиц мы и свернули.

— Доброе утро, падре! — кричали люди, завидев нас из окон и распахнутых дверей.

— Храни вас бог, друзья, — отвечал им мужчина, который теперь, при почти полуденном солнце виделся мне иначе.

Его взгляд был всё таким же открытым и по-детски наивным, но на вид Густаву всё же не дать было меньше тридцати. Похоже, мужчина относился к типу, каким обладал, к примеру, актёр Леонардо ди Каприо, который смотрелся мило даже в свои почтенные годы. Большие светлые глаза обрамлены густыми ресницами, маленький, почти что девичий рот на лице в форме сердечка, непослушная тёмно-русая копна, которая свешивалась на одну сторону, и её постоянно приходилось отбрасывать.

Что ж, полагаю, приход святого отца в дни службы забит страждущими, большинство коих составляют женщины. И как этому смазливому красавчику, наверное, нелегко держать оборону, стоит только догадываться.

Я усмехнулась и тем самым привлекла его внимание.

— Сейчас будет остановка, — сказал мужчина, глядя на меня через плечо. — Но вас, мисс, я доведу до школы. Она находится прямо на границе двух владений. Директор Верди наверняка уже там, и вы легко её отыщете.

— Благодарю вас, святой отец.

— Не стоит, — сказал он с необъяснимой тоской. — Боюсь, надолго вы не задержитесь здесь.

— Почему? — удивилась я.

— Школу скоро закроют. Неужели вам не сообщили?

— Нет. Но как же так?

— Много лет до помолвки лорда Винсента и леди Ларизель землевладельцы спорили о том, где должна была пролегать граница их территорий. В тех местах не было никаких построек, кроме школы Эттерфилда. Старый лорд с особым трепетом относился к ней, и он не позволял соседям посягать на неё. Ему важно было, чтобы дети рабочих и крестьян его земель учились, чтобы становились грамотными и находили своё призвание. Но теперь, когда его не стало, защитить школу некому. А грядущая свадьба не сулит приятных перспектив, — мужчина затих в тягостном молчании. — Урсула Белрейд намерена снести школу, поставить на её месте лесопилку, и, боюсь, всё уже решено.

Мне стало не по себе после его слов. Проникнувшись уважением к покойному лорду, я внутренне негодовала.

Как можно снести целую школу в угоду собственным корыстным интересам? И почему подобные судьбоносные решения принимает какая-то скверная тётка, а не новый лорд?

— Скажите, кто сейчас владеет землями Эттерфилд? — спросила я.

— Винсент Хальт. Сын покойного Герхарда Хальта. Ему как старшему из наследников перешли все права на земли и имущество отца. Но его при прочих заслугах судьба школы никогда не волновала, и он вполне готов был переложить заботы о ней на будущую тещу, которая только того и ждала.

Ну да. А когда лорд женится, мамаша его супруги устроит местным крестьянам такую сладкую жизнь, что те разбегутся. Знаем мы таких. Власти подавай, да побольше, вот только амбициям и аппетитам неуёмным всего мало будет.

— Интересно, — задумчиво проговорила я. — Чем же занят глава Эттерфилда, что ему некогда решать судьбоносные для его подопечных вопросы?

Священник тихо усмехнулся.

— Как бы вам сказать. Лорд Винсент — художник. И это многое объясняет.

Честно говоря, я готовилась услышать что-то вроде «кутила, мот, прожигатель жизни», но художнику ведь подобные пороки тоже могли быть не чужды. Ясное дело. У таких, как этот Винсент с детства было всё, чего бы он ни пожелал. Ему не требовалось ломать спину, чтобы выжить и заработать на кусок хлеба. А потому он занимался лишь тем, что искал себя. И найдя, решил переложить ответственность за вверенное его семье хозяйство на первую попавшуюся тещу.

Что-то подсказывало мне, женитьба его ни холодила, ни грела. Просто всем было так удобно.

Доехав до конца улицы, мы поравнялись со зданием местной церкви, и Густав остановил телегу. Большинство пассажиров вышли сразу, а я и семейство с ребёнком, остались.

Священник помог людям выбраться и ещё некоторое время разговаривал с ними, поясняя, что делать дальше и куда можно пойти, чтобы переждать вынужденную остановку поезда. Мужчина был вежлив со всеми. И даже когда его взяли в оборот две женщины, которые проходили мимо, он стойко выдержал их напор.

Дамы смотрели на Густава с нескрываемым обожанием, даже невзирая на то, что мужчина был чуточку ниже их ростом. Тот, похоже, понимал причины интереса, а потому решил

воспользоваться своим положением. Вскоре обе женщины, продолжая мечтательно летать в небесах собственных грёз, вели к себе пассажиров с детишками, намереваясь предоставить им приют и порадовать тем самым священника.

Ловкач. Ничего не скажешь. Но главное ведь — с благим умыслом всё провернул.

Возле школы Эттерфилда, стоявшей посреди пустынной части земель, мы оказались ближе к обеду. От соседей её закрывал необжитый пустырь, а с другой стороны открывался вид на парковую дорожку посреди невысоких деревьев.

На протяжении всего пути дом Белрейдов так и не попался мне на глаза, зато верхний этаж и крышу особняка Хальтов из светлого камня, распростёршийся позади живописного парка, я в ту минуту разглядела во всей красе. Он напомнил мне семейную обитель из аббатства Даунтон. Хотя, казалось бы, людей в этом дворце проживало всего ничего.

Зато школа выглядела плачевно. Похожая на неопрятный, двухэтажный барак для рабочих, она уныло смотрела на меня большими и местами потрескавшимися глазницами окон, не предвещая радужных перспектив молодой учительнице.

— Я подожду вас здесь, — заявил священник, оценив тяжесть моего чемодана.

Поблагодарив его, я крепче сжала рукоять ридикюля и направилась к покосившемуся крыльцу.

Мне не было страшно, даже несмотря на полнейшее неведение того, куда и зачем я пришла. Ясно было, что это школа, что я стану учить детей, но ничего более известно не было, а потому я испытывала наравне с тревогой какой-то нездоровый азарт и на некоторое время даже забыла, что на мне перепачканное землёй платье, которое не было возможности переодеть.

Предстояло импровизировать — совершенно новый опыт для человека, привыкшего подстраховаться и планировать всё в своей жизни. Значит, буду импровизировать. И хочется верить, не попорчу этой самой Линде Петерсон жизнь, которую прямо сейчас проживаю.

Глава 5

Грустные мысли школа Эттерфилда вызывала не только при взгляде на неё снаружи, но и при общем виде изнутри. Обшарпанные двери, стены с остатками краски, не знавшие обоев, сбитая штукатурка, скрипучий паркет, потолки без побелки, но зато с пятнами плесени.

Трещины на стёклах, как оказалось, были малой бедой. Кое-где в прямоугольных провалах окон вообще не было, а имелись фанерные вставки, наглухо прибитые к деревянной стене досками крест-накрест.

Всё это я увидела, миновав узкий холл с одиноким цветочным горшком на полу, из которого торчало нечто высохшее наполовину, и вполне возможно, бывшее прежде фикусом. Коридор шёл в две стороны узкими линиями и заворачивал в конце, отчего школа образовывала в плане типичную для подобных учреждений букву «П».

Я немного напряглась, услышав в стороне торопливые шаги. Они приближались. А через минуту из-за поворота вышла девушка и направилась прямо на меня.

Строгое серое платье, каштановые волосы, собранные в аккуратный пучок, и стопка бумаг в руках наводили на мысль, что эта девушка учительница.

Увидев меня, она резко остановилась и вопросительно вздёрнула брови.

— Добрый день. Вы мама Роуз?

— О, нет. Я не мама Роуз, — проговорила, неловко пытаясь спрятать пятно на юбке в складках. — Моё имя Линда Петерсон, и я явилась по приглашению директора Верди.

— А, так значит, вы новая учительница математики? — в ответ на мой кивок девушка приветливо улыбнулась. — Меня зовут Николетта Дейлиш. Я преподаю здесь основы родного языка. Вы можете называть меня Ники. Пойдёмте, директор как раз у себя сейчас.

Мы не пошли по коридору. Углубившись в проём, Ники подвела меня к лестнице на второй этаж.

— Жаль, что всё так сложилось, — начала она, когда мы стали подниматься.

— Что вы имеете в виду?

— Ещё месяц назад все были уверены, что школа никуда не денется, и нам не придётся искать работу. Но помолвка лорда Хальта и леди Белрейд всё перечеркнула. Школу скоро закроют, и я уже сейчас рекомендовала бы вам подыскивать новое место.

— Наверняка вы лучше меня здесь всё знаете, Ники. Посоветуйте что-нибудь.

— Хорошая школа есть в Четрдейли. Я уже направила туда своё резюме. Другие учителя тоже ищут себе пути отступления, потому что задерживаться здесь нет смысла.

— А что насчёт местных детей? Куда они пойдут?

— Ближайшая отсюда школа в городке Мортреди. Но учат там из рук вон плохо. Школа Четрдейли в разы лучше. Правда, ездить туда по хорошей дороге придётся не менее двух часов только в одну сторону. К сожалению, родители не станут этим заниматься. Им нужно работать.

Я нахмурилась. Конечно, для времени, подобного этому, было нормой ходить за тридевять земель в школу, но не в такие же дали. Мне стало обидно за ребят. А к землевладельцам возникли вопросы.

— Что думает по этому поводу директор? — спросила я. — Она никак не пыталась повлиять на решение местной власти?

— Мисс Верди сразу же открестилась от этих дел. Что странно. Ведь она все годы трудилась на благо школы, и никто не мог пожаловаться на равнодушие с её стороны. Похоже, она просто смирилась, потому что ни ей, ни уж тем более нам решать судьбу этих земель.

Девушка остановилась на площадке второго этажа, вынуждая и меня замедлить ход.

— При жизни старого лорда Хальта, — продолжила она, оглядевшись, чтобы убедиться, не слышит ли её кто, — школа процветала. Пользуясь его милостью, госпожа закупала для биб-

лиотеки книги, заказывала парты и стулья у плотника, вывозила детей на экскурсии в столицу. Но когда лорд слёг, поддержка приостановилась. Ну а после его смерти о школе все забыли. Она ветшала потихоньку. Дошло до того, что теперь здесь стало опасно находиться. Прошлой весной обвалился кусок чердака, и его до сих пор не починили.

Выйдя в коридор второго этажа, мы прошли совсем немного и остановились напротив изъеденной древооточцем двери. Табличка, висевшая чуть выше уровня глаз, не оставляла сомнений, кто находился за ней.

Ники постучала.

— Войдите, — раздался тяжёлый голос немолодой женщины.

Моя провожатая толкнула дверь. И когда мы переступили порог мрачного, плохо освещённого кабинета, мне почему-то сразу захотелось уйти.

За большим дубовым столом сидела дама лет шестидесяти. На ней надето было чёрное платье с высоким горлом и длинными рукавами, похожее на старинный траурный наряд. Седые пряди сходились на затылке в ровный пучок, украшенный скромной заколкой, а на груди висел довольно массивный медальон, который невольно бросался в глаза с первого взгляда.

Пустынный кабинет со столом, невысоким шкафом и одиноким стулом для посетителя напоминал больше монашескую келью, чем обитель директора школы. А сама женщина — матушку настоятельницу монастыря.

В меня впился строгий, пронизательный взгляд. А когда Верди поднялась и расправила плечи, являя стать и манеры, достойные королевских дворов, я зачем-то присела в реверансе.

— Добрый день, — заговорила она, скрещивая на животе руки. — Вы мисс Линда Петерсон?

— Да, госпожа Верди. Рада знакомству.

Выйдя из-за стола и оправив длинную юбку без единой складки, женщина приблизилась, не забывая скользить по мне оценивающим взглядом, от которого делалось неловко.

— Боюсь, вы зря приехали, юная леди, — заявила она. — К сожалению, я не успела предупредить вас о постигших нас неприятных событиях. Школу скоро закроют, и вам придётся искать себе новое место. Вот только, — цепкий взгляд остановился на моей груди, — я рекомендовала бы вам одеваться поскромнее. Учительница всегда обязана оставаться учительницей.

Я немного растерялась от её слов. Времени и возможности оценить свой наряд у меня не было, но даже так скромное платье, высокий ворот жакета и длинная тёмно-синяя юбка выглядели более чем сдержанно. В этом месте, что приветствуются только лишь оттенки серого в одежде?

— Вопрос о закрытии школы решён, — продолжила женщина. — Нам осталось трудиться здесь не более полутора месяцев. И боюсь, нет смысла вводить новичка в курс дела. Но смею вас успокоить. Кое-какую характеристику с рекомендациями я всё же составлю, чтобы вам легче было найти место.

— Но я хотела бы попробовать, — вырвалось, прежде чем я успела подумать, потому что тон женщины и её покровительственная манера мне очень не понравились. — У меня есть опыт работы, и, уверена, я смогу быть полезна хотя бы на то короткое время, что отведено всем нам здесь. Прошу, не отказывайте мне. Это не ради денег.

Женщина неприятно поморщилась после моих слов.

— Что ж, как хотите, — сказала она, разворачиваясь и возвращаясь к столу.

— Оставьте мне свои документы. Николетта введёт вас в курс дела, и с завтрашнего дня вы сможете приступить к обязанностям. Жить будете в одном из коттеджей, которые вы наверняка проезжали по пути сюда. Николетта покажет вам свободный. Там у вас будет возможность привести себя в порядок и постирать платье, — она сощурилась, не скрывая презрения. — Вас сопровождает кто-нибудь?

Да что же они так заикнулись на этих сопровождающих? Или с тяжёлым чемоданом я просто обязана была прихватить с собой качка?

— У меня нет сопровождающего.

— Но у кого же тогда ваши вещи?

— С ними остался падре Густав. Он помог мне добраться до города после крушения поезда.

На каменном лице дамы за всё время нашего общения впервые появились живые эмоции. Ники тихо ахнула и не сумела удержаться от вопроса.

— Вы не пострадали?

— Нет, всё хорошо. Благодарю вас.

— Этот человек, падре Густав, добрейшая душа, — продолжила директриса. — Удивительно, как его хватает на все благодеяния нашего грешного края. Без него, видит бог, здесь царили бы разврат и тщеславие. Николетта, вы согласны? — мисс Верди перевела взгляд на мою спутницу.

— Да-да, госпожа. Согласна с вами полностью. Падре Густав настоящее сокровище.

Женщина надменно поджала губы.

— Правильно, — сказала она, поморщившись. — Я уверена, богу было бы угодно, чтобы так оставалось впредь, Николетта. Мужчины, как никто подвластны искушениям. И пользоваться этим грешно и зазорно. Что ж. Вы можете идти, мисс Линда. Будем ждать вас завтра с утра. Не опаздывайте.

Глава 6

Я покосилась на Ники, которая после сказанного заметно нахмурилась и, попросившись с директрисой, покинула кабинет. Но не успела я сделать и шагу по направлению к лестнице, как в меня неуклюже врезалось существо. Существо явно было женского пола, о чём сообщало длинное серое платье и такой же как у всех пучок невзрачных волос. Худенькая, невысокая девушка с маленьким острым носиком испуганно сжалась, как хомячок, которого силком тянут из клетки, чтобы поиграть, буркнула под нос извинение и прошмыгнула в дверь, из которой мы только что вышли.

Я вопросительно посмотрела на Ники.

— Это Эни. Она во всём помогает директрисе. Её секретарь. Ну такая, знаешь? На побегушках. Пошли. Я провожу тебя в коттедж. Святой отец ещё ждёт тебя?

— Да, он остался во дворе.

— Странно всё же, что тебе не дали сопровождающего, — удивилась Ники, когда мы спускались на первый этаж. — Как же ты справлялась со всем сама?

— На каждом этапе пути находился джентльмен, готовый мне помочь.

— Здорово, — усмехнулась девушка. — Это хорошо, что ты свободна от предрассудков и не волнуешься, что о тебе подумают.

Вот это последнее заявление вызвало у меня желание забросать Ники вопросами. Какие ещё предрассудки? Я просто приехала на поезде! Или может быть, в этом мире существуют службы по типу муж на час? Довезу вас и ваш неподъёмный чемодан, куда скажете за умеренную плату?

Ничего ответить я так и не успела, потому что в следующую секунду раздался звонок.

Оказавшись на первом этаже, мы столкнулись с резвым потоком детишек со всех сторон. Их было немного. Меньше, чем в школах, к которым я привыкла. Но оттого не менее шумной была эта толпа.

Девочки в скромных сарафанах за редким исключением вели себя спокойно. Зато мальчишки в рубашках и смешных шортах до колена то носились с криками друг за другом, норовя стукнуть товарища портфелем побольнее, то затевали рукопашную прямо в коридоре. Одного из таких драчунов Ники схватила за шиворот.

— Ты что творишь, Генри Диттер? — строго спросила она, отгаскивая мальчика от его противника. — Хочешь, чтобы я снова отца твоего вызвала?

— Нет, мадам! Нет! Прошу! Не надо отца! Роб сам виноват! Он у меня яблоко забрал!

— Это правда, Роберт? — Ники уставилась на второго мальчика.

— Генри сам мне предложил. А потом передумал и стал отбирать!

— Так, — Ники выпустила парня и поставила руки на пояс. — Если весь спор из-за яблока, то я вам своё отдам. Было бы из-за чего носы ломать. А ты, Генри, запомни раз и навсегда: нельзя забирать обратно подарок. Представь, если родители тебе подарят что-то на день рождения, а потом назад попросят. Тебе это понравится?

— Ничего они мне не подарят, — парень потянул носом. — У них денег нет.

— Идите оба в класс, — устало проговорила девушка и выставила для наглядности вперед палец.

Виновато потупившись, мальчишки неуклюже засеменяли по коридору, то и дело попикивая друг друга локтями.

Проследив за ними, я почувствовала, что мне уже не терпится начать работать. С детьми всегда было непросто. Но учить их мне нравилось. Все эти новомодные деления на зумеров и альф всерьёз не воспринимала и никогда не стремилась загнать маленького человека в рамки стереотипов. Практически с каждым можно договориться, найти к нему подход. Если, конечно,

то был не совсем уж сложный случай, требующий коррекции специалистом. Но даже здесь существовали исключения.

— Эти несносные мальчишки готовы подраться из-за любой ерунды, — проговорила Ники и вздохнула. — Но я буду по ним скучать.

Падре Густав, казалось, дремал, когда мы подходили к телеге. Заслышав наши шаги, он вздрогнул, поднялся, а на лице его вдруг заиграл румянец, сделав облик молодого человека ещё более ангельским.

— Мисс Линда, Николетта, — падре задержался взглядом на мисс Дейлиш, — Как всё прошло?

— Очень хорошо, — ответила я. — Меня приняли на работу хоть и ненадолго, но это тоже опыт, и мне не хотелось бы упускать его.

— Что ж, похвально, мисс, что вы желаете сделать что-то хорошее для нашего края. Вам сказали, где вы будете жить?

— Да, и мисс Ники согласилась проводить меня.

— Что ж, ясно, — мужчина неуклюже развернулся, пригладил безуспешно свои непослушные вихры и помог нам забраться в телегу.

Вскоре мы уже тряслись по ухабистой дороге в направлении небольшого коттеджного поселения.

— Скажи, Линда, — обратилась ко мне Ники, когда мы сидели, прижавшись к невысокому краю, — это правда, что по пути сюда на пассажиров напал Вилли Обрез? О нём столько страшных историй ходит.

— Всё так. И доехала я к вам сегодня только благодаря падре. Не знала, что священнослужители носят с собой оружие.

— Иначе нельзя. В наших краях бывает беспокойно и в интересах каждого уметь пользоваться оружием. Даже я всегда беру с собой нож, — Ники сняла с пояса небольшой чехол и вынула из него клинок. — Никогда не знаешь, кого встретишь за углом. А вы молодец, Густав. Метко стреляете.

Девушка глянула через плечо на возницу.

— Спасибо, Николетта, — отозвался он. — Мне всегда приятно получать от вас похвалу.

— Густав, я ведь просила вас называть меня Ники.

Мужчина, чьё поведение выглядело всё страньше и страньше, как назвала бы это Алиса Льюиса Кэрролла, нервно усмехнулся и пожал плечами, ничего не ответив.

Телега остановилась возле третьего в ряду небольшой улицы домика. Вокруг не было ни заборов, ни участков земли для сада или огорода. Только деревянные дома с зелёными крышами и тропки между ними.

— Ты будешь жить здесь, — сказала Ники. — Недавно отсюда съехала прежняя учительница математики. Ей предложили работу в столице, и она не стала ждать.

Ники ловко спрыгнула с телеги. А когда падре Густав взял мой чемодан, мы последовали за девушкой.

— Ключ обычно лежит под ковриком, — заявила Ники и, присев у двери, отыскала незатейливый предмет. Помахав им в воздухе, она протянула его мне.

Замок поддался легко. А когда я переступила порог домика, в нос ударил тяжёлый запах необжитого помещения. Здесь пахло пылью, как это часто бывало в моём дачном доме, когда я приезжала туда после зимы. К счастью, утомительной уборки не ожидалось, потому что единственная комната была совсем небольшой, да и мебели в ней имелось немного. Лишь стол со стулом возле окна, буфет, небольшой шкаф и кровать, отгороженная от всей остальной комнаты шторой.

— Ну, как тебе? — спросила Ники, отступая, чтобы дать падре поставить на свободное место мой чемодан.

— Здесь довольно уютно, — искренне ответила я, наблюдая, как девушка проводит пальцем по подоконнику, оставляя в пыли дорожку. — Немного прибраться и можно жить.

— Мой коттедж в конце улицы. Если что-то понадобится, заходи. Буду рада. Вечерами я всегда дома. Выше по аллее базарная площадь, где можно купить продуктов или найти мастера. А теперь прощай, Линда. У меня ещё два урока сегодня. Вечером я к тебе зайду.

Поблагодарив мужчину и девушку за помощь, я вышла на крыльцо, чтобы проводить их. И если раньше я могла лишь догадываться о том, что нашло на падре Густава, то теперь окончательно во всём убедилась. Манеры, взгляд, жесты и весь он стремительно изменились с появлением в поле зрения шатенки в скромном платье. А потому напрашивался самый очевидный из выводов: падре был влюблён в Ники. И если в этой вере отношения с женщинами для его сана находились под запретом, оставалось только посочувствовать несчастному.

Когда двое скрылись, отправившись каждый своей дорогой, я вернулась в дом. Некоторое время хотелось только слушать тишину и умирять мысли. Хоть у меня и имелись дела, но мозг требовал разгрузки. Он не был готов к событиям, что падали мне на голову, не давая дух привести. Но в маленьком доме на окраине Эттерфилд, закрывшись ото всех, казалось, я могла поставить происходящее на паузу и просто подумать.

Я вновь выхожу на работу. Осознать это было непросто, и тревога не отступала, но всё же перемены, ворвавшиеся в мою жизнь, скорее радовали. Ведь работа всегда была моей отдушиной.

Присев возле чемодана, я стала разбираться с его замком. Понадобилось с четверть часа, чтобы понять систему и отыскать хитрый болт, который удерживал крепление. Когда же я открыла чемодан и взялась изучать его содержимое, на голове зашевелились волосы.

Глава 7

Не то чтобы меня сильно шокировало это самое содержимое. Увидь я его в своё время и в своём мире, лишь фыркнула бы. Но в обществе, где дамы носили сдержанные наряды чаще всего с пуговицами под горлышко и без намёка на декольте, подобные вещи могли поставить под сомнение репутацию девушки.

Зря директриса воротила нос. Линда выбрала для собеседования один из самых приличных своих костюмов.

Нет, среди вещей определённо имелись строгие наряды с высоким воротом, закрытая обувь, но по большей части платья обладали глубоким, часто кружевным декольте, сочной расцветкой и через одно открытыми плечами. Платьев, туфель и аксессуаров у модницы было предостаточно, и не стоило удивляться, почему чемодан невозможно было сдвинуть с места без помощи сильного мужчины.

Некоторые из этих нарядов я разложила на столе, да так и застыла, рассматривая детали кроя, вышивку, игривое кружево.

Ну и куда вы, мисс скромная учительница, собрались во всём этом ходить?

Я вынула ещё кое-что и, устав удивляться, лишь покачала головой.

Нежно-розовый гарнитур из тонкой шёлковой сорочки на бретельках и такого же оттенка халатик с рукавами, расширенными книзу и с манжетами, обшитыми пёрышками в тон поставил жирную точку в общем представлении о предпочтениях девушки. И так как другие сорочки отличались лишь цветом от розового безобразия, я поняла, что выбора у меня нет, и в этом придётся спать. А любимые плюшевые пижамы и махровые халаты останутся лишь далёким воспоминанием о прошлой жизни.

Неожиданный стук в дверь заставил вздрогнуть. Я заметалась. Не хватало ещё, чтобы кто-нибудь увидел все эти кукольные платья. Собрав в охапку вещи, я не нашла ничего лучше, чем бросить их на постель и прикрыть шторкой.

Переведя дух, отворила дверь и увидела за ней молодую блондинку. На её дружелюбном лице светилась улыбка.

— Здравствуйте. Вы новенькая? — спросила она.

— Добрый день, — ответила я, улыбаясь ей в ответ. — Да, только что въехала. Меня зовут Линда.

— Вы будете вместо Доры?

— Если Дора — это прежняя учительница математики, то да. Я за неё.

— Отлично, — девушка чуть не запрыгала на месте. — Какое счастье, что она уехала.

— Почему?

— Злющая была гримза. Ни с кем не смогла подружиться. Да и вряд ли этого хотела. Кричала на детей и била их. Уверена, ты не такая. Ой, я не представилась! Меня зовут Люси Нордок. Я здесь природоведение и историю преподаю. Ты, наверное, голодная?

В потоке речи юного создания нелегко было сразу уловить основную мысль. Мне пришлось даже немного головой потрясти, чтобы разложить всё по местам.

— Рада знакомству, Люси. Но подожди, а почему ты не в школе?

— У меня сегодня было только один урок. А сейчас я как раз собиралась на рыночную площадь сходить. Составишь компанию?

— Только если ты подождёшь немного. Мне очень нужно переодеться.

Я пригласила Люси пройти в дом и спустя мучительные минуты выбора между горчичным платьем с квадратным вырезом и тёмно-фиолетовым без плеч остановилась на первом.

— У тебя красивое платье, — проговорила Люси, когда, покинув дом, мы поравнялись с ней на тропинке. — Большая редкость увидеть здесь человека, одетого во что-нибудь, кроме пыльной куртки, рабочего сарафана или серой формы. Иногда такое уныние находит.

Люси можно было назвать модницей, какая дала бы фору Линде. И если своих новых вещей я стеснялась и не готова была их надевать, то девушка легко и уверенно несла себя, облачившись в сине-зелёный наряд из плотного хлопка. Поверх был наброшен короткий светлый жакет, оставлявший открытой шею и ключицы, на которые легко ложились две пряди, выпущенные из высокого пучка, вероятно, в качестве протеста.

Стало интересно, как часто директриса вызывала Люси на ковёр, чтобы отчитать за внешний вид? Похвалив её наряд, я спросила:

— Наверное, ты рада будешь уехать, — логично предположила я. Но девушка вдруг удивилась и спросила:

— Куда уехать?

— Ну, школу же закрывают. И, насколько я знаю, все ищут себе новые места службы.

— О, нет, нет, — рассмеялась Люси. — Это не про меня. Я остаюсь, — загадочно проговорила она и хитро прищурила свои небесно-голубые глаза. — Планирую выйти замуж, понимаешь?

— Поздравляю тебя.

— Спасибо. Мы с Мариусом так любим друг друга. Жду не дождусь, когда можно будет объявить всем о нашем решении. Но что это я всё о себе. Расскажи, Линда, откуда ты?

Меня будто холодным кипятком окатило.

А ведь я понятия не имела, откуда явилась в Эттерфилд. Ну и что тут сказать? Что я с Урала? Что собиралась в Анапу с подружками, а попала сюда?

— Я так часто переезжаю. Уже и не помню, откуда всё началось, — попыталась извернуться.

Девушка насупилась.

— Но откуда-то ведь всё началось? — не унималась она. — Подожди-ка, у тебя цвет волос южный, хоть и светлая кожа. Дай-ка угадаю. Ты из Санантино или нет, точно! Из Бурналии!

Ничего не оставалось, кроме как начать кивать ей в такт и натянуть на губы глупую улыбку.

— Верно, оттуда, — проговорила, испытывая сильную неловкость.

— Это ведь так далеко! А город какой?

— Может быть, снова попробуешь угадать?

— Сейчас. Я это люблю. Так, наверное, Мамбьено. Ты из столицы.

Я зачем-то помогала отрицательно головой. И Люси снова принялась думать.

— Так, ладно. Сейчас, сейчас. Не подсказывай. У тебя говор с сильным акцентом, точно не столичный. Вот я бестолочь. Ты с окраины. Нет, не говори. Я сама. Риоццы, Порто-Линаре, Сансимон?

— Точно, — вырвалось у меня.

— Что, Сансимон?

— Верно. У тебя талант.

— Это правда. Все так говорят, — Люси довольно заулыбалась. — Секрет прост. Я люблю географию и мечтаю путешествовать. Но пока могу лишь читать книги и выписывать краеведческую литературу из мест, куда не имею возможности попасть. У вас в Бурналии прекрасные закаты, — она мечтательно вздохнула. — Так пишут в книгах.

За время нашей беседы пейзаж понемногу менялся. Коттеджный посёлок вскоре уступил место более плотным рядам деревенских домиков с огородами и хозяйственными постройками. Здесь пахло хлебом, выпечкой и чем-то таким, что отбрасывало меня в далёкие воспо-

минания деревенского, детства, парного молока по утрам и жаркого печного духа. Мне приятно было находиться здесь.

Встречные здоровались с Люси, интересовались её делами, рассказывали новости. И более всего заводили разговоры о закрытии школы. Я поняла, что местные хоть и жили одним лишь трудом, но важность обучения для своих детей осознавали. И им тяжело было принять удар судьбы, который должен был вскоре последовать, лишив местных ребят возможности получить хотя бы минимальное образование.

По мере приближения к рыночной площади и торговому кварталу людей становилось всё больше. А когда мы вышли на местный Бродвей, на минуту мне показалось, что я вернулась домой и заехала на базар купить мяса или рыбы. По крайней мере, пахло и даже выглядело содержимое прилавков точно, как дома.

С одной стороны широкой улицы, застроенной уже не одноэтажными избами, а довольно симпатичными лавчонками в два этажа, тянулись столы с сырой рыбой, мясом, фруктами и овощами. Продавцы и покупатели шумно торговались, выбивая нужную цену. То и дело их перекрикивали лоточники, бродившие в толпе и нараспев выдававшие короткие зазывные четверостишья, чтобы расхвалить и прорекламирровать свой товар.

— Держи, — Люси протянула мне пряник на палочке. И когда она успела облегчить торговцу лоток? Хотя удивляться нечему. Я действительно немного растеряла бдительность, глаза по сторонам и ощущая себя будто бы на старинном ярмарочном гулянии, где всё было по-настоящему.

— Будь осторожна, — попеняла мне спутница. — Крепче держи сумку. Выхватят из рук — не догонишь.

На этих словах, как по заказу мой ридикюль рванул куда-то в сторону, а я успела лишь заметить шуструю тень, которая теперь ловко пробиралась через скопление людей, унося мои вещи.

— Стой! — вскричала я, роняя пряник, и бросилась вдогонку за грабителем.

Бежать быстро не получалось, но и вор не мог разогнаться в толпе. Нам с Люси приходилось пробиваться через поток, вызывая у людей недовольство, но на извинения совершенно не было времени. Я пыталась докричаться до тех, кто шёл впереди, чтобы они задержали вора. Но то ли здесь это было не принято, то ли гад был настолько шустрым и неуловимым, помогать мне не спешили.

Когда толпа немного поредела и бежать стало легче, воришка заметно отдалился. Подобрав юбки, я что было духу, припустила за ним.

— Вор! — кричала я, пылая яростью. — Держи вора!

Я не видела Люси, зато хорошо видела худую спину оборванца, который уносился вперёд. А когда он юркнул в переулок, я едва не пролетела мимо. Зарывав от бессилия, кинулась туда.

Поворот, ещё и ещё, издевательски узкий проём между стенами в какой-то момент сузился настолько, что я едва протиснулась бочком, проклиная грудь Линды за излишнюю объёмность. Зато парню ничто не помешало проскользнуть. И когда я уже находилась на грани отчаяния, думая, что потеряла след грабителя, с разгона врезалась в кого-то, сбивая человека, которому не повезло попасться мне на пути.

С визгом повалилась на землю, ощущая, как больно впился в лопатку камень мостовой, а что-то тяжёлое придавило сверху. Быстро придя в себя, я с шипением разомкнула веки и уставилась в лицо мужчины, который лежал на мне, пронзая изумлённым взглядом удивительных зелёных глаз.

Глава 8

Не знаю, сколько мы так лежали. Я смотрела в изумрудные глаза, на автомате вцепившись мужчине в плечи, и, казалось, тяжесть этого взгляда была куда больше веса всего человека.

— Ты, — сказала он, вырывая меня из гипноза. — Не может быть.

Я заёрзала под ним, стала толкаться, прогоняя мужчину. Потребовала:

— Слезьте с меня немедленно! У меня сумку украли! Надо вора остановить!

— Мисс, — кто-то сверху обратился явно ко мне, но за пышной каштановой копной, что надо мной нависла, говорящего я не увидела. — Можете не волноваться. Вор пойман и понесёт наказание.

Тот, кто придавливал меня к земле, тоже, наконец, зашевелился. А когда поднялся сам, возвращая мне возможность свободно дышать, и подал руку, я её не приняла. Да и зачем? Непривычная я к помощи. Самой всегда было проще.

Ничуть не смутившись задранной до колен перепачканной юбки, я выпрямилась, оправила её, попыталась отряхнуть и, осознав, что безнадежно испачкала очередное ни в чём не повинное платье, уставилась на говорившего.

Передо мной стоял констебль в тёмно-синей форме и держал за ворот мальчика.

То был именно мальчик, совсем ребёнок не старше одиннадцати — двенадцати лет. Вот только взгляд у этого ребёнка был не по-детски тяжёлый. Он то и дело метался от меня на людей, собравшихся вокруг.

— Это ваше, мисс? — спросил полицейский, протягивая мне ридикюль.

— Благодарю вас, — сказала, забирая свои вещи и не сводя глаз с воришки.

Констебль встряхнул парня.

— Наконец-то нам удалось поймать этого пройдоху на преступлении. Ну теперь тюрьма научит тебя жизни, Даниэль Робсон.

— Что? — ахнула я, тогда как толпа поддержала заявление мужчины. — Зачем в тюрьму? Он же ещё маленький.

Меня не слышали, а когда к нам подошёл тот самый зеленоглазый тип, люди притихли.

— Вы хорошо поработали, мистер Рейнс, — сказал он. — Пусть все видят, что ждёт грабителя, если тот не одумается.

— Благодарю вас, милорд. Надеюсь, этот гадёныш не помешал вам отдыхать?

Констебль покосился на меня, и это мне очень не понравилось. Успела лишь рот открыть, чтобы выразить возмущение и поспешить убедить мужчину в собственной непорочности, но не успела.

— Я был здесь по делу. Но одна неожиданная встреча смешала все планы.

Взгляд зелёных глаз обжёг моё плечо.

— Что ж, мы пойдём с вашего позволения, милорд, — сказал полицейский. — Всего хорошего.

Он грубо развернул мальчика и, толкнув его в спину, едва не вынудил упасть.

— Прекратите! — не выдержала я. — Оставьте ребёнка в покое!

Народ, решивший, что зрелище окончено и собравшийся было расходиться, замер в едином порыве, как и полицейский.

— Если вы хотите призвать кого-то к ответу, — негодовала я, — идите к родителям этого ребёнка и спрашивайте с них! Он ещё несовершеннолетний!

— Мадам, но этот гадёныш вас ограбил! — опешил констебль, на чьё представление о нормах и порядках нагло обрушили ушат логики. — Он преступник, значит, будет наказан.

Я схватила мальчика за руку и потянула, не ожидая от себя смелости. Полицейский, видимо, тоже не был к такому готов, а потому не удержал парня. Я завела Даниэля себе за спину.

— Вы с ума сошли? — раздражённо спросил зеленоглазый, которому моё поведение тоже ломало сознание. — Сами в тюрьму захотели за неподчинение закону?

Впила глаза в лицо, которое до этого не имела возможности рассмотреть получше, и испытала лёгкое головокружение. Молодой, привлекательный мужчина на вид не старше тридцати, выше меня на полголовы смотрел уверенно и надменно, будто имел вес в этом обществе. Но я знала таких. И в моём мире находились молодые повесы из обеспеченных семейств. От них все плакали, особенно педагоги вуза, где трудилась Зина, но и поделаться с такими ничего не могли.

На мужчине безукоризненно сидел дорогой костюм из коричневой шерсти, из-под которого выглядывал воротник и манжеты идеально выглаженной рубашки. Кожаные туфли без единой пылинки блестели на солнце, и лишь волосы средней длины небрежно касались плеч.

— Не нужно меня жизни учить, молодой человек, — выпалила ему в лицо. — Я педагог и ребёнка в обиду не дам. Моя работа не только учить детей, но и защищать их по мере сил от таких, как вы. Где ты живёшь? — спросила я мальчика. Тот молчал. Вместо него из толпы выкрикнул кто-то:

— Даниэль дома не бывает. У него мать кошка.

Вокруг захихикали, а я ничего не поняла. Какая ещё кошка? Посмотрела на ребёнка, который весь закипал от злости.

— Почему ты не идёшь домой? — спросила тихо, сильнее сжимая запястье мальчика.

— Потому что его мать водит туда мужчин и рожает каждый год от нового, — прилетело мне в спину проникновенное и доходчивое разъяснение зеленоглазого нахала.

Мурашки побежали по коже.

Чёрт. А ведь можно было догадаться.

Отошла в сторону, увлекая за собой внезапного подопечного, который сопел и готовился взорваться.

— Скажи, что тебе нужно? Деньги? — продолжала я допытываться, ловя его взгляд. Он молчал. Поняв, что ничего не добьюсь, я сильнее к нему наклонилась и прошептала:

— Давай договоримся, Даниэль. Я живу в третьем доме около школы. Если тебе что-то понадобится, ты всегда можешь прийти и попросить у меня помощи. Уверена, другие учителя тоже с радостью тебе помогут. Но пообещай мне, если сейчас я поручусь за тебя, больше не воровать. Договорились?

Тяжёлый взгляд исподлобья скользнул по мне. Ребёнок едва заметно кивнул, и я выпустила его руку. Удивительно, но Даниэль не бросился бежать.

Отступив от него, обратилась к полицейскому, который суетился и не знал, что делать:

— Я больше не имею претензий к этому мальчику, — заявила громко, чтобы все слышали. — Как потерпевшая сторона я вправе влиять на ваше решение. Сумка найдена, ничего не пропало, конфликт исчерпан. И Даниэль Робсон ничего мне не должен.

— Но, мадам, — полицейский окончательно растерялся. — Так не делается...

— Оставьте их, констебль, — проговорил вдруг шатен, не скрывая насмешку. Для него происходящее было не более чем забавным зрелищем. — Я всё слышал. Мисс поручилась за этого негодяя. Но когда у него вновь случатся разногласия с законом, она пожалеет, что влезла не в своё дело.

Обернувшись, я столкнулась нос к носу с типом, который уже очень сильно меня раздражал. Он смотрел сверху вниз, чуть смежив веки в ленивом прищуре, и с лукавой улыбкой на тонких губах был до безобразия похож на хитрого лиса из сказки. Ушей только не хватало.

— Что ж, — полицейский неловко почесал затылок, — раз вы так решили, милорд, не смею с вами спорить. А ты, Даниэль Робсон, не вздумай больше воровать и честных граждан обманывать. А то знаю я тебя.

Хотелось сказать этому человеку, чтобы шёл восвосяси и не строил из себя авторитета на пустом месте. Но сдержалась. А когда народ стал расходиться, я почувствовала затылком укол излишнего внимания.

— Значит, вы новая учительница, — полился мне в уши голос милорда, чтоб его. Мужчина принялся обходить меня сзади, и мне почему-то стало от этого неловко. Я чувствовала кожей, что меня рассматривают с таким интересом, какого я на себе никогда не ощущала.

— Это ненадолго, — процедила сквозь зубы.

— Почему же?

— Потому что кое-кто здесь ставит денежные интересы выше культурно-образовательных.

— Да ну? — мужчина остановился сбоку и иронично улыбнулся. — Какая жалость.

— Не стоит. Я вижу, что вам плевать. Всего хорошего, милорд.

Последнее слово почти выплюнула ему в лицо. И развернувшись, собралась уходить. Но меня вдруг схватили за руку, вынуждая остановиться.

Успела лишь одарить гада возмущённым взглядом.

— Дом номер три, — проговорил он, глядя на меня исподлобья. — Славно. Я запомню.

Хоть мы и стояли на оживлённой улице среди бела дня, но хищный облик мужчины испугал меня. Извернувшись, я вырвала у него свою руку и почти бегом бросилась наутёк. Ни разу не остановилась всё то время, пока неуклюже подворачивала ноги по мостовой. А когда меня окликнули, в буквальном смысле готова была броситься врукопашную. Даже кулаки сжала.

— Линда! — прокричали мне вслед. К счастью, то был женский голос, и принадлежал он Люси. — Насилу тебя догнала, — сказала девушка, отдуваясь, когда поравнялась со мной. — Ты что там устроила?

— Ничего особенного.

— Как же! Поручиться за Даниэля Робсона! Он главный школьный хулиган! Мы радуемся, когда он не появляется в классе.

— Хорошо же вы устроились! — не выдержала я. — Плюнуть на ребёнка и пусть катится по кривой! Молодцы. Ничего не скажешь.

Люси растерялась.

— Но что мы можем сделать, если его матери на него плевать?

— Для начала подумать, как помочь парню.

Я всё же обернулась. На том месте, где только что произошла сцена с моим участием, никого не было. Шатен, к счастью, ушёл. И оставалось надеяться, что этот тип не станет меня преследовать. А ведь он в первую секунду принял меня за кого-то. Как будто узнал. Чёрт, если между этими двумя было что-то в прошлом, я пропала. Я же этого не помню. Но похоже, мужчина обознался. Иначе не вёл бы себя потом так, будто впервые меня встретил.

— С лордом ты тоже зря так разговаривала, — нарушила тишину Люси.

— Что вы заладили, лорд, милорд? Кто он вообще такой?

— Ох, Линда, — девушка свела обречённым домиком брови. — Точно, ты ведь новенькая и не знаешь здесь никого. Человек, с которым ты только что ругалась — Винсент Хальт, и он хозяин всех этих земель.

Глава 9

Мы постояли немного в стороне от людского потока, который всё больше редел после зрелища. Мне требовалось успокоить мысли, а ещё поесть. Живот расходился бесстыжими руладами, и если бы ни пирожок с картошкой, который купила мне Люси, съел бы, наверное, сам себя от голода.

— У Мари Робсон семеро детей, — рассказывала мисс Нордок, жуя. — Была ещё Кэти. Она умерла, когда ей был год. прошлой весной родились двойняшки, но тоже умерли. Почти сразу, как родились. Она их не доносила. Даниэль самый старший. Ему бы взять на себя ответственность за семью, как единственному взрослому мужчине, но он предпочитает скитаться и воровать.

— Потому что не видел живого примера того, каким должен быть старший в семье, — буркнула я с набитым ртом.

Люси вздёрнула вопросительно бровь.

— Чего?

— Кто его отец?

— Боюсь, это известно одной лишь Мари.

— А остальные дети учатся?

— Лиззи и Нейтан бывают в школе чаще. Но занимаются оба из рук вон плохо. У нас вообще плохо с дисциплиной. Раньше директор старалась держать всех в строгости, даже кое-какая система наказаний имела за разные провинности. А если надо было, она ходила домой к ученикам, разговаривала с родителями. Сейчас это уже бессмысленно, и дети распустились.

Я понимала происходящее. Не имело смысла напрягаться развивать школу, которую через месяц снесут. Более того, другой школы у детей не будет, потому что никто не станет возить их в заоблачные дали, жертвуя работой. Но несмотря на то что я всё это осознавала, легче не делалось.

Так неправильно. Не должно быть так. И что-то требовалось предпринять.

Нам пришлось возвращаться домой по той самой дороге, где я бодалась с лордом. Но, прежде чем покинуть площадь, мне требовалось купить хлеб, немного яблок, крупу и овощи, чтобы приготовить себе ужин. Филе ягнёнка брать не стала, как и аппетитную рыбку тушу без головы, потому что не имела опыта хранения этих продуктов вне морозильной камеры. Да и с деньгами требовалось быть осторожнее. Мясо ведь дорого стоит во все времена. А посидеть на вегетарианской диете лишним не будет.

— Стой! — я в последний момент остановила Люси, которая занесла ногу и едва не наступила на то, что лежало в дорожной пыли. Подняв с земли предмет, покрутила его в руках.

— Что это? — спросила девушка.

— Долото, — протянула я по слогам и глянула поверх предмета с красивой резной деревянной ручкой на вывеску ближайшего магазина.

— «Амбель и сыновья» — прочитала вслух Люси. «Инструменты для обработки камня и дерева». Как странно. Готова спорить на большие деньги, что раньше этой лавки здесь не было.

Мы переглянулись. А через минуту колокольчик над дверью магазина сообщал хозяевам о нашем приходе.

Здесь пахло деревом, точнее, свежеспиленной сосной. Точно так пахло в хозяйственном гипермаркете в моей прошлой жизни, где я как-то раз покупала люстру. Вот и теперь помимо долот, стихелей, молотков, ножей и прочей обрабатывающей атрибутики, магазин был полон деревянных досок, вырубленных на удивление ровно, и будто только что вышедших из-под промышленной резки. Кроме этого, имелись небольшие изящные колонны, приставленные к стенам, балясины и перила для оформления балконов и лестниц.

Приблизившись к прилавку, я засмотрелась на предмет с красной ручкой под стеклом витрины, напоминавший нож. Но то был не обычный нож, а специальный. Как и всё в этом магазине.

— Дамы? — глубокий бас, раздавшийся с противоположной стороны прилавка, заставил нас с Люси выпрямиться и прекратить праздное разглядывание товаров. — Я могу вам помочь?

Перед нами стоял высокий, пожилой мужчина в подвёрнутой до локтей рубашке и в коричневом кожаном фартуке, кое-где покрытом заплатами. Он походил на рабочего, которого оторвали от дел для праздной болтовни две любопытные барышни.

Впрочем, отчасти так оно и было.

— Мы нашли это у крыльца, — я спешно протянула мужчине долото. — Полагаю, оно ваше.

Большая мозолистая рука приняла у меня инструмент.

Поднеся его к глазам, мужчина хмыкнул и ответил, почесав бороду:

— Нет. Это не моё. Точнее, раньше оно мне принадлежало, но сегодня утром долото купили.

— Кто?

— Лорд Хальт.

Я поперхнулась. В моём понимании лорды были от подобных инструментов также далеки, как язычник от христианина.

— Зачем оно ему? — спросила я, прежде чем подумала, как глупо это звучит.

Мужчина снова хмыкнул в бороду.

— Для работы, конечно. Лорд Винсент художник. Неужто вы не знали? Какая досада. Похоже, его светлость случайно выронил инструмент. А ведь он сделан специально по заказу, и как хорошо, барышни, что вы его нашли.

— Что ж, отлично. Когда лорд-художник придёт к вам в следующий раз, отдадите. Пойдём, Люси.

— Проблема в том, — остановил нас мужчина, что я через час должен быть на вокзале и садиться в поезд. Магазин придётся закрыть.

Торговец как-то странно на меня посмотрел. Да и не выглядел этот человек при всём желании так, будто на поезд спешил.

— Уверена, ваши сыновья, — покосилась на дверь с названием, — с радостью вам помогут.

— К несчастью, все они уехали по своим делам и не скоро вернуться.

— Сочувствую вам, — начала было я, раздражаясь от этой неуместной навязчивости и подталкивая Люси к выходу, но договорить мне не дали.

Борода расплылась в улыбке.

— Вы очень выручите меня, мисс, если занесёте лорду Хальту его покупку. Уверен, когда он хватится пропажи, будет чрезвычайно раздосадован.

— У нас дела.

— Мы занесём, — неожиданно перебила меня Люси. Давайте сюда ваше долото.

Я изумлённо уставилась на неё.

— Спасибо вам, барышни, — просиял лавочник. — Вы меня спасли. Только прошу, и это очень важно. Инструмент нужно передать лорду лично в руки.

Серые глаза мужчины вдруг расширились на миг, и, как мне показалось, в них сверкнул электрический разряд. Пришлось моргнуть несколько раз, после чего рука Люси с вложенным в неё инструментом задрожала, и девушка выронила его. Если бы я не успела подставить ладонь, увесистый кусок металла точно пробил бы витрину. Схватив предмет, я ощутила странный жар, исходящий от него. А когда подняла взгляд и встретилась с серыми омутами мастера, посреди которых зияла пугающая пустота зрачка, на меня едва не напала икота.

— Без вашей помощи всё рухнет, юная мисс. Не бойтесь послужить старику, и вы многое поймёте.

Он улыбался, тогда как мне хотелось бежать. Глянув на Люси, я увидела, что девушка не в себе. Она смотрела в пустоту перед собой невидящим взглядом и покачивалась из стороны в сторону.

— Что вы с ней сделали? — спросила я упавшим голосом.

— Ничего. Она просто задумалась. Мисс, — позвал человек. — Мисс, — он легонько похлопал её по щеке. Люси очнулась. И шумно вздохнув, будто долго не дышала до этого, встревоженно огляделась.

— Что? О, боже. Я что задремала?

На меня уставились с мольбой.

— Пойдём, — проговорила я твёрдо и, стараясь не смотреть на лавочника, взяла девушку под руку. Ни одной лишней минуты не хотелось оставаться в этом магазине.

Сжимая в руках проклятое долото, словно это был нож, а я готовилась наносить увечья, вывела всё ещё немного ошалевшую Люси на улицу.

Глава 10

— Ты как? — спросила я приятельницу, когда мы отошли от магазина на приличное расстояние.

— Ничего. Правда, голова только сейчас перестала кружиться.

— Я провожу тебя. И ты немного отдохнёшь.

Люси вдруг встрепенулась.

— О, нет. У меня были планы на сегодня. Сейчас приду домой, выпью чаю, и всё пройдёт. Такое иногда бывает от усталости.

Блондинка натянуто улыбнулась, заставляя, видимо, саму себя поверить словам.

— И штуку эту я могу передать лорду, — продолжила она, пряча глаза. — Как раз буду в его краях вечером.

Наверное, мне следовало воспользоваться любезностью девушки, чтобы избежать встречи с этим самодовольным типом. Но что-то внутри воспротивилось. Любопытство выиграло или ещё какой порок, но мне вдруг захотелось выяснить, для чего лорду, который, если верить историческому кино, даже переодеться сам не в состоянии, нужен был плотницкий инструмент.

— Я сама занесу, — проговорила и поспешно спрятала предмет в ридикюль. — Лорд Хальт обронил его из-за меня, и я должна извиниться.

— Почему ты так считаешь?

— Я врезалась в него, выбегая из переулка.

— Ну ты даёшь. Удивительно, что он спустил это тебе с рук. Хальт старший злоющий тип. Вечно всем недоволен. Не то, что его брат.

Люси вдруг мечтательно заулыбалась, а светлая кожа на её щеках порозовела. Не стоило долго думать, чтобы понять происходящее.

— Ты за него собралась замуж? — вкрадчиво спросила я.

Люси с заговорщическим видом подалась ко мне.

— Прошу тебя, только никому не рассказывай, — прошептала она. — Мы с Мариусом поженимся тайно. Это решено.

— Когда?

— Не знаю, — девушка с мечтательным видом вздохнула. Тогда как у меня не складывалось.

— Но ведь всё решено. Ты сама сказала.

Люси легкомысленно отмахнулась.

— Какая разница, когда это случится. Главное, мы с ним обожаем друг друга. И когда он уладит все свои дела, сходим в церковь. Ах, Линда, я такая счастливая.

Мы уже миновали городские улочки и сворачивали к аллее, на которой стояли дома учителей. И на протяжении всего этого пути, как бы я ни старалась, отделаться от неприятной мысли не выходило. Люси крутила пашни с местным князьком. Именно пашни, потому что всё делалось тайком, и парень явно не желал афишировать отношения, пел ей в уши о каких-то там делах и как только, так сразу. А Люси верила ему. Но ведь это не моё дело и блондинку из дома по соседству я знала всего ничего. Так почему её проблемы беспокоили меня?

Попрощавшись с Люси, я зашла в свой новый дом и взялась за готовку. Требовалось разобраться с устройством печи, на что ушло не меньше часа. Внушительная вязанка дров имела в углу возле печной стены, и после того, как я подожгла букетик хвороста, чтобы пламя перекинулось на поленца, пришлось открыть все окна и дверь в придачу. Иначе угорела бы я здесь безвременно. На то, чтобы додуматься открыть печное поддувало, ушло ещё с четверть

часа. А когда вода, наконец, закипела и нарезанные мелко овощи заняли своё место в чугунном котелке, я поняла, как устала.

Близился вечер. В окно заглядывало солнце. И вместе с ним я наблюдала волшебный феномен, которого никогда прежде не видела. Горы вдалеке на горизонте, вершин которых уже касалось солнце, переливались нежными оттенками розового и фиолетового. Никогда прежде ничего подобного я не видела, и оставалось лишь догадываться, из каких диковинных пород выложены были эти камни.

В доме имелось ведро с водой. Её оставалось немного после варки супа, но чтобы вскипятить кружку чая, вполне хватило. Я уже разведала колодец во внутреннем дворе за коттеджами и вместительную дровницу со свежими ароматными поленьями для обитателей поселения, но решила отложить пополнение запасов на попозже. Этим вечером следовало разобраться с другой немаловажной задачей.

Я учительница.

Более того. Учительница математики в мире, который, возможно, жил по совсем иным законам.

Устроившись за столом у окна с исходящей паром кружкой, в которой колыхалась щепотка чаинок из местного запасника, я вынула единственную книгу Линды по математике, едва не затерявшуюся в ворохе романов, надела очки и стала читать.

На моё счастье, точные науки в этом мире жили по тем же законам. И чудо, что меня не сделали учителем истории или географии. Пришлось бы сочинять легенду о провале в памяти. Мол, простите, извините, ничему я ваших детей не научу, всё из головы повылетало, когда ударилась. Представила лицо директрисы после этих слов, не удержалась от смешка.

Когда солнце совсем скрылось за горами, я очень вовремя припомнила, что извалялась днём в пыли, запачкав второе платье за день, и неплохо бы помыться. Как бы ни сопротивлялась всё внутри меня, пришлось таскать воду из колодца и греть её.

Когда всё было готово, и я набрала ещё с полведра, чтобы разбавить крутой кипяток, возле колодца меня окликнула Ники.

— Смотрю, ты освоилась, — проговорила она, приблизившись. — Как прошёл день?

— Не без приключений, но я не жалею. Люси проводила меня в город и показала, где купить продуктов.

— Люси прелесть. Она здесь уже больше года работает. И переезжать не собирается.

— Да, я наслышана о её грядущем замужестве.

— Это чушь, — выпалила Ники так резко, что я едва воду не расплескала, вынимая ведро. — Мариус Хальт не женится на ней. Он ей голову морочит, а когда добьётся того, чего добивается, забудет. Я таких как он знаю.

Ники сказала то, о чём догадаться было несложно. Вот только Люси, бедная влюблённая Люси, летела под откос, наслаждаясь полётом. И повлиять на её разум в таком его состоянии, к несчастью, было невозможно.

Я не знала, что за человек этот Мариус Хальт. Но почему-то была уверена, ни он, ни его старший брат не представляли из себя чего бы то ни было стоящего.

Прежде чем проститься, Ники передала мне список учеников. Детей было настолько мало, что все они умещались в два небольших класса.

Вскоре после смерти главы семейства Хальт школа перестала проводить ежегодный набор учеников. Примерно раз в три-четыре года желающим предлагались места, и сколько бы ни было лет ребятам на тот момент, все — от мала до велика поступали в первый класс.

Программа обучения рассчитана была на семь лет. Но редко кто доходил до конца, потому что подросшие дети всё больше требовались дома в помощь старшим. Изредка случалось, что кто-то доучивался и уезжал в столицу, где находил себе место. Таких выпускников

Клара Верди всегда ставила в пример другим и в лучшие времена вывешивала их портреты на доску почёта.

Очередной набор ожидался в прошлом году, но по понятным причинам ни тогда, ни теперь его не провели.

Мучительное мытьё при помощи ведра и тазика под тусклый свет огонька от пары оплывших свечей закончилось глубоко за полночь.

Рот болел от одолевшей меня зевоты, а ещё я не могла не умиляться тому, во что мне придётся облачиться. Игривый пеньюар за неимением чего-то более скромного, лежал, распластавшись на кровати, и искушал своим видом. А ведь в прошлой жизни я ничего подобного не носила. Всегда считала, что такие вот штучки нужны для совместного, интимного времяпрепровождения с мужем или любовником. А так как у меня ни того, ни другого не было, то и покупать пикантное бельишко не имело смысла.

Невольно вспомнила Зину, которая всегда пыталась меня переубедить и говорила, что красивое бельё делает из замученной клуши уверенную в себе женщину, которую хочется добиваться. Что эротичный комплект помогает самооценку повысить и как следствие стать желанной для мужчин. Последнее в мои планы не входило. Но почувствовать себя увереннее я бы не отказалась.

Как была обнажённая после мытья, отодвинула шторку и присела на кровать, касаясь шёлковой ткани выбранного голубенького комплекта.

Чем дольше я на него смотрела, тем яснее осознавала, что зря разыгрываю чопорное целомудрие. Похоже, что Линде не занимать было смелости, раз она позволяла себе подобный гардероб. У этой девушки стоило поучиться, и что-то подсказывало, часть её сущности передалась мне, ведь прошлая я постеснялась бы спорить с представителями власти, заявлять о себе и спать в полупрозрачной шёлковой ночнушке вместо тёплой пижамы на пуговицах. Прошлая я привыкла находиться в тени других. А нынешняя была категорически с этим не согласна.

Я поднялась, чтобы надеть сорочку, а когда нежность шёлка покрыла приятными мурашками кожу, стала искать зеркало.

Мне требовалось зеркало хотя бы потому, что я ни разу ещё не видела в отражении новую себя. Да и наряд оценить хотелось. Но обойдя пару раз дом, заветного предмета я так и не отыскала.

Что за женщина могла жить здесь? Как вообще можно не иметь зеркал в быту?

Пришлось склониться над котелком. Но и в его закопчённой поверхности я не увидела ничего, кроме сажи.

За окном что-то хрустнуло. Машинально прижав к груди руки, я повернула голову на звук.

В черноте ночи не видно было ничего.

Зато меня мог разглядеть любой желающий, потому что в суе и с непривычки я забыла прикрыть шторой окно!

Глава 11

Как? Вот как можно было настолько глупо опарафиниться? А ведь кто-то был там, с другой стороны, хоть окно и выходило на опустевшую ночную аллею.

Слова Ники, что в этих местах бывает небезопасно, заиграли новыми красками. Да ко мне в любой момент мог ворваться какой-нибудь громила с маской на лице, и я точно не сумела бы против него выстоять в одиночку.

Но никто не ломился в мою дверь. А в тишине с улицы слышно было лишь тоскливое пение птицы.

Ещё долго не шёл сон. Я отлежала себе всё, что было можно, пока под утро не забылась короткой, беспокойной дремотой с мучительными сновидениями. И если бы не девочки, точно проспала бы первый свой рабочий день.

Стук в дверь поутру вынудил разлепить веки. Застав меня в потрёпанном виде, обмотанную одеялом и с нелепым гнездом волос, которые приняли замысловатую форму за время, пока сохли, Ники и Люси взялись приводить меня в порядок.

— До начала урока полчаса, — бухтела Николетта, вынимая из шкафа платье, рубашку и развешивая всё это на спинке стула.

— Ничего, успеем, — Люси больно потянула меня за волосы, отчего я взвыла протяжно. — Терпи, Линда. Надо понимать — мы торопимся. Я тоже не выспалась. Но это не оправдывает опозданий. И если директриса узнает, подпортит характеристику. Уж будь уверена.

— А тебе выспаться, что помешало? — спросила подругу Ники, ехидно поджимая губы. — Или точнее будет сказать, не что, а кто?

— Не твоё дело, — насупилась Люси и, как мне показалось, стала резче чесать мою гриву. Даже слёзы на глаза навернулись. — Никого не касается, где я бываю в свободное от работы время. Да и кое-кому неплохо бы тоже присмотреться к одному перспективному молодому человеку. А то уведут, глазом не успеешь моргнуть.

— Не начинай, — Ники выставила палец. — Падре женщины неинтересны. Иначе он не выбрал бы служение богу.

— Ой да брось. Только слепой не видит, как он смотрит на тебя. Мужчина всегда остаётся мужчиной, что под сюртуком, что под рясой.

— Люси!

Блондинка лишь засмеялась в ответ. Мне же было не до смеха, потому что на голове моей в ту минуту бушевал ураган. Пряди то лупили по лицу, то их пытались вырвать с мясом. Закончилось всё внезапно. А когда перед глазами возникло два сосредоточенных лица с оценивающими взглядами, я спросила:

— Что?

— Отлично, — закончила Ники, хлопая по плечу фею с расчёской, которую та сжимала в кулаке на манер боевого топора грозной воительницы. — Директриса точно не придерётся. А теперь одевайся, Линда, и бежим.

Мы действительно побежали, и все те несколько минут до школы преодолели быстрее, чем днём ранее на телеге. Когда, отдуваясь и удерживая юбки, мы влетели в холл, Ники спешно указала мне на нужную дверь, из-под обшивки которой проглядывал пожелтевший наполнитель. Скрипа её я не услышала, потому что в ту же секунду, как вознамерилась войти, раздался звонок.

Нелегко было сдерживать тяжёлое дыхание после вынужденного марафона. Окинув взглядом мрачную комнату с тёмными коричневыми стенами и беспорядочным нагромождением пособий в стеллажах, я переключила внимание на детей и уловила в лицах некоторых насмешку.

Их было десять человек. Мальчики и девочки в опрятных, но по большей части довольно ветхих одеждах сидели за партами, с интересом поглядывая на меня. Я не дала бы самому старшему больше двенадцати лет. И что-то подсказывало мне, смиренная тишина в ту минуту вызвана была не железной дисциплиной, а любопытством от появления нового учителя.

— Да, признаю, — начала я и улыбнулась в ответ на ухмылки. — Учитель тоже человек и может иногда позволить себе немного задержаться.

Сразу после моих слов скрипнула дверь, являя взорам собравшихся долговязую и до боли знакомую фигуру. Дети зашептались.

— Вот об этом я и говорила, — продолжила, окидывая взглядом хмурого парня в пыльном костюме, который тот явно не сменил со вчерашнего дня. — Все мы люди, и ничто человеческое нам не чуждо. Проходи, Даниэль. Присаживайся.

— Я ненадолго, — заявил вдруг Робсон и вальяжно прошествовал в класс, цепляя локтями ребят по обе стороны ряда.

Проследила за ним, ничего не ответив. А когда парень, пожав руку кому-то на дальней парте, плюхнулся на свободный стул в углу и высокомерно уставился на меня, откашлялась.

— Моё имя Линда Петерсон, — заговорила я громче, чем хотелось, когда класс зашуршал, и дети стали непрерывно оборачиваться на смутьяна. — Я буду учить вас математике и очень надеюсь, за то недолгое время, что мы будем видеться, вы освоите хотя бы часть программы.

— Зачем? — голос Даниэля заставил меня умолкнуть. — Школу скоро снесут. Я вообще не понимаю, зачем вы тут распинаетесь.

Дети притихли, и я увидела в их настороженности не столько опасение, сколько интерес. Они желали посмотреть, что будет дальше и как я, проиграв мальчишке, начну сыпать угрозами. Даниэль бросал мне вызов, как прежде это делал Саша Мартов из девятого "В", а до него Владик Таюшев из седьмого «А». Что поделать? Дети обожают проверять на прочность границы дозволенного и не откажут себе в удовольствии спровоцировать взрослого. В этом часть сущности маленьких людей, но оттого интереснее работать с ними и направлять в нужную сторону дерзкие порывы.

— Ты прав, Даниэль, — сказала я. Едва не рассмеялась от того, как вытянулись лица ребят. — Школы скоро не будет, а вместо неё откроется лесопилка. Но, боюсь, для тебя, мой дорогой, ничего не изменится. Ведь ты и так не посещаешь уроков. А сегодня пришёл, чтобы послушать, как я стану отчитывать тебя за плохое поведение. Но этого не будет, — я сделала паузу. — Ты, конечно, можешь уйти, как и собирался. Но подумай, что останется в твоей жизни, когда ты покинешь класс.

Парень хмыкнул.

— Я всегда себе дело найду, — сказал он.

— Заметь, ты обещал мне кое-что вчера. Но если ты действительно одумался и готов оставить прежнее занятие, я буду рада научить тебя чему-нибудь полезному. Но мы заболтались, — я повернулась к доске и взяла мел. — Сегодня у нас деление в столбик. Кто готов выйти и показать всем, чему научился?

Ни один не пошевелился. Зато поднялся мой недавний собеседник, вызвав удивлённое молчание. Оглядев класс, он сунул в карманы руки и стал приближаться ко мне. Остановившись напротив, не дойдя немного до доски, он протянул руку, куда я вложила мел, и стала ждать.

Не прекращая надменно улыбаться, Даниэль Робсон подошёл к доске и вместо решения примера написал:

«Счастливо оставаться, мисс чудачка».

Класс грянул со смеху. И на секунду во мне что-то взвилось. Оскорблять учителя — последнее дело. И уж тем более если вспомнить, что этот парень обязан мне и выкаблучивается здесь, а не тухнет в городской тюрьме.

Он вёл себя гадко. Но я понимала, что ничего не смогу изменить, потому что червоточина сидит слишком глубоко.

Нет, Марина, тут иначе надо действовать. Да и чудачка — это нисколько не обидно. Тебя ж не душой обозвали в конце-то концов.

Даниэль смотрел на меня с вызовом. И когда утих гомон смешков, я облокотилась на стол и сказала без тени лукавства:

— У тебя очень красивый почерк, Даниэль. Наверняка ты мастер тонких работ. Я права?

— Он делает нам кораблики! — раздался с первой парты радостный голос мальчугана лет восьми. Но ребёнок тут же умолк, завидев кулак брата.

Больше Робсон старший не ухмылялся. Запустив руки в карманы, он сплюнул себе под ноги и, развернувшись, быстро покинул класс.

Я вздохнула.

— Что ж, — проговорила, беря в руку тряпку, чтобы стереть текст, — раз желающих отвечать у доски нет, открываем тетради и решаем примеры самостоятельно. В конце урока у всех проверю.

Вопль обречённых на вечные муки грешников заполнил класс.

Наверное, ни в одном из существующих миров не найти школьника, который любил бы самостоятельные и проверочные работы.

Глава 12

В тот день у меня было всего два урока, и за это время я не без грусти осознала, что большинство ребят дальше элементарного сложения и вычитания простых чисел в собственных знаниях не продвинулись. Да и то бывало, семь минус три на пальцах считали.

Мысль, что работы предстоит ещё много, всякий раз натыкалась на печальную действительность. Не имело смысла требовать чего-то от детей, ведь даже тот минимум, что успел осесть в их головах, уйдёт без постоянного повторения и закрепления материала, когда школа исчезнет из жизни.

Но я не могла иначе. Наблюдая со стороны за всем, что происходило вокруг, я всё больше убеждалась, что так не должно быть. На правах хозяина лорд вполне мог перенести школу в другое место, предоставить под неё помещение или отстроить новое. Да, это вложение. Но образование того сто́ит.

Мы с девочками встретились во дворе школы на большой перемене и заняли пустующую лавочку в заброшенном сквере. Мимо нас то и дело пробегали с криками дети, но осекать их, чтобы вели себя тише, никто не спешил.

— Генри сегодня притащил в школу ужа и запустил его в сумку Дороти, — проговорила Ники с безучастной интонацией в голосе, знакомой всем учителям. — Визг стоял. Думала, оглохну.

Она протянула мне завёрнутый в бумагу бутерброд.

— Это ещё что, — подхватила Люси. — У меня на уроке Аделина Майкла укусила до крови.

— Да что ты?

— Но он заслужил, — девушка вынула из сумки яблоко и, откусив от него, подпёрла кулаком щёку и стала лениво жевать.

Я тоже решила похвастаться. А когда сообщила, что Даниэль обозвал меня мисс-чудачка, девушки прекратили есть и уставились на меня.

— Даниэль Робсон? — переспросила Ники, не поверив.

— Именно, — ответила за меня Люси. — Она его вчера от тюрьмы спасла, когда этот негодяй у неё сумку вырвал.

Ники ахнула.

— Ты с ума сошла! Да по нему тюремное воспитание плачет! Может, жизни бы научился!

— Тюрьма никого не перевоспитывает, — остановила я её. — Особенно в этом возрасте. Покажите мне хотя бы одного человека, который, вернувшись из мест заключения, исправился. Тюрьма ломает психику и уничтожает всё хорошее, что было в человеке. И детям в ней не место.

— Да, но... — начала было Ники и осеклась. — Этот парень бывает опасен. Вот примкнёт к какой-нибудь банде, устроит сладкую жизнь всем.

— Ему просто не хватает внимания. И если семья с этим не справляется, школа должна помочь.

— Бесполезно, — заключила Люси, но тут же вздрогнула и округлила глаза, едва не поперхнувшись. — Девочки, спрячьте меня!

Я непонимающе уставилась на неё.

— Он идёт. Чёрт побери! Он меня заметил! Поздно. Вот же прилипчивый гад.

Я посмотрела туда, куда направлен был полный отчаяния взгляд. По засыпанной сухими ветками и опавшими листьями аллее к нам приближался симпатичный брюнет в чёрном костюме, ускоряя с каждой секундой шаг.

Люси мгновенно преобразилась, стерев с лица уныние и нарисовав на нём улыбку.

— Мистер Реджинальд, — заговорила она, не давая мужчине рта раскрыть, когда тот приблизился к нашей лавочке, — как жаль, что мы уже уходим. Перемена заканчивается. Сегодня такой чудесный день. Ну а мы пошли. Всего хорошего.

Она резво поднялась и посмотрела на нас взглядом, не требовавшим пояснения.

Брюнет, чью самооценку непросто было задеть, улыбнулся уголком рта, ловко отступил, преграждая Люси путь, и, подхватив её руку, оставил поцелуй на тыльной стороне ладони.

— Безумно рад вас видеть, мисс Нордок, — сказал он голосом, от которого по телу побежали мурашки. — Я лишь хотел напомнить, что в эту субботу ожидается праздник. Уверен, вы в курсе и согласитесь отправиться туда со мной.

Предложение дополнил пылкий взгляд, от которого даже меня бросило в жар.

Переглянувшись с Ники, поняла, что и на неё мужчина производил впечатление.

— Ой, что вы, что вы, — артистка забрала свою руку и прижала её к груди. — Уверена, вы найдёте куда более достойную кандидатку. А я не смогу составить вам компанию, потому что у меня дел полно. Обещала миссис Педи помочь с детишками. Да и голова в последнее время часто кружится. Линда не даст соврать. Кстати, познакомьтесь, это Линда.

Меня одарили коротким безразличным взглядом и таким же кивком, после чего мужчина заявил:

— Тогда и я никуда не пойду, а буду ухаживать за вами. С головокружениями шутки плохи.

— Нет! — испуганно вскричала Люси и поспешила обойти мужчину. — Вы с ума сошли? Что люди подумают? Ой, а время-то идёт. У меня ещё урок. Уверена, вам тоже нужно спешить. Пойдёмте, девочки. Всего хорошего, Реджинальд.

— До завтра, Люси.

Не в силах больше наблюдать мучения девушки, мы с Ники поднялись и поспешили следом за ней, коротко простившись с её воздыхателем.

— Кто это? — спросила я у Ники, когда мы отошли на приличное расстояние от мужчины.

— Реджинальд Браун наш учитель физики, — пояснила девушка, не поспевая за блондинкой, которая резво улепётывала, несмотря на длинную юбку. — Он давно Люси добивается. Приятный молодой человек, толковый. Бывает, и труды у мальчиков ведёт. Понимаешь, да? Руки из нужного места растут. Но эта безумица втемяшила себе в голову мечту выйти замуж за Хальта и стать леди. Бог ей судья.

— Замолчи, Ники, — бросила через плечо Люси. — Мне плевать, стану я леди или нет. Я люблю Мариуса, а он любит меня. И больше я ничего не хочу слушать.

Ники лишь покачала головой.

Вернувшись в школу, девочки отправились по кабинетам. И так как от меня в тот день больше ничего не требовалось, я собрала вещи и вознамерилась уходить. Но возле лестницы услышала оклик:

— Мисс, — позвал кто-то испуганно. Сперва решила, что это ребёнок, но когда обернулась и увидела девушку, чья скованность ощущалась физически, удивлённо вздёрнула брови.

— Вас зовёт к себе директор, мисс Петерсон, — продолжила Эни и, отступив в сторону, чтобы я могла пройти, неловко указала на дверь.

Эни выглядела как все в этом унылом месте. Серое платье по щиколотку, громоздкие туфли, тугий пучок, из-под которого не пробивалось ни единого волоска. А ещё взгляд. Этот взгляд был каким-то трагичным. Казалось, человека или терзало что-то, или он извинялся перед всем миром за своё в нём существование.

Поклонившись ей, я развернулась и направилась, куда было велено.

Директор Верди восседала за своим столом с неизменно царственным видом. Одарив меня исподлбья высокомерием, она расправила плечи и отложила перо.

— Мисс Петерсон, — начала женщина, скреживая в замок пальцы, — я слышана о вашем утреннем забеге. Скажите, вы и впредь намерены опаздывать?

— Но я пришла вовремя, мисс.

— Это неважно, — голос директрисы стал ещё тяжелее. — Я уже говорила вам и повторю в последний раз. Учительница всегда должна оставаться учительницей. Вам это очень пригодится там, куда вы решите отправиться после работы здесь. Вся школа видела вас, Николетту и Люсинду бегущими по двору. Вы считаете, вас после этого станут воспринимать всерьёз?

— Скорее дети осознают, наконец, что педагог такой же смертный, как они, и тоже может ошибаться.

— Не может, — грянула женщина. — Если вы не знали, открою вам правду, юная мисс. Во всех структурах существует незыблемая иерархия и веками устоявшиеся порядки. Каждый должен знать своё место, и, упаси господь, тому, чей статус выше, разводить панибратство с теми, кто обязан подчиняться ему, — женщина подалась вперёд. — Дети с юных лет должны это усвоить и понимать свою роль в системе. Если хотят чего-то добиться. Надеюсь, мы с вами друг друга поняли, мисс Петерсон.

Я кивнула.

Конечно, мне знакома была подобная методология. Отчасти в вопросах твердокаменной дисциплины, без которой нельзя было сладить с некоторыми типами детской личности, я готова была согласиться с ней. Но за жизнь поняла кое-что. Ты можешь позволить себе вносить поправки туда, где это уместно. Там, где всё куда сложнее, чем чёрное и белое.

— Если они действительно хотят чего-то добиться, — сказала я, — школа должна помогать им.

— Этим мы и занимались все эти годы.

— Есть один молодой человек. Я полагаю, у него имеются некоторые склонности к моделированию и, возможно, усидчивость. Было бы замечательно, если бы мистер Браун...

— О ком вы говорите? — перебила меня директриса, сведя к переносице седые брови.

— Даниэль Робсон мастерит игрушки для братьев и сестёр.

— Что? Робсон? — женщина аж подскочила, невзирая на почтенные года. — Да вы знаете, что этот негодяй недавно подговорил мальчишек, и те избili учителя богословия? Теперь у нас нет учителя богословия. Он уволился. А в прошлом месяце Робсон чуть не устроил пожар. Таким, как он, не место среди нормальных людей, и счастье, что Даниэль бросил школу.

— Сегодня он появился на моём уроке.

— Вы шутите?

— Не шучу. Его привело любопытство. И хоть он не задержался надолго, что-то подсказывает мне, мы поладим.

Суровая гримаса вдруг скривилась, сделав лицо пугающим. А затем женщина принялась смеяться. Очень неприятно, надо сказать. Как смеются, когда ничего забавного не происходит, зато имеется острое желание унижить собеседника.

— Мне знакомо это ваше рвение, мисс Петерсон, — проговорила женщина, успокоившись, и вышла из-за стола, привычно сцепив на животе руки. — Все молодые учителя этим грешат. Исправить хулигана, наставить его на путь истинный. Я бы могла отмахнуться и позволить вам набивать собственные шишки, но не стану. Послушайте совета опытного педагога. Такие, как Даниэль Робсон, не меняются. С каждым годом он будет скатываться всё ниже и ниже, а вас одолеет чувство вины за то, в чём вы не виноваты. Но что самое неприятное, на заботу о том, кто этого не стоит, уйдут силы и время, которые лучше было бы потратить на тех, кому это действительно нужно.

Мисс Верди умолкла. Во мне же после её слов родился бунт. Я чувствовала его, он проникал под кожу и разливался по венам. Ох, мисс Верди, плохой вы педагог, если не знаете главного правила воспитания: чем больше отговаривать и запрещать, тем больше хочется.

— Возможно, вам просто не повезло, — сказала я, чувствуя полное право на эти слова с высоты прожитого опыта.

Надменная улыбка сползла с лица женщины.

— Вы свободны, Линда, — голос директрисы вновь отяжелел. — Надеюсь, завтра вы не станете позориться и устраивать беготню по двору школы.

Я не ответила. Развернувшись на месте, толкнула дверь, едва не ударив ею Эни. Та сжалась испуганно и, промямлив что-то, юркнула в кабинет.

Она что, подслушивала? Плевать. У меня теперь есть куда более интересные и заслуживающие внимания дела, чем выяснение отношений с директрисой и её невзрачной тенью.

Глава 13

Под интересными делами я, естественно, подразумевала работу с детьми и определение сильных сторон каждого. Ведь если не упустить момент и вовремя направить ребёнка в нужное русло, он может начать осваивать какое-нибудь ремесло уже сейчас, найти себе наставника, а закрытие школы не станет таким уж ударом для формирования полезных навыков.

Но, прежде чем браться за свою оптимистичную инициативу, мне требовалось кое-что закончить.

После полудня, когда солнце уже клонилось в сторону гор, я пошла выполнять обещание, данное лавочнику. Ужасно не хотелось снова встречаться с лордом, но велено было доставить ему инструмент лично, и хоть ты тресни, а встречи теперь было не избежать.

За школой по пути к особняку семейства Хальт простирался парк. Царственные амбиции владельцев здесь проявились с лихвой. Во всех своих неукротимых аппетитах. Тут имелись и лабиринты из подстриженных кустов, и замысловатые фонтаны, из которых почему-то не шла вода. Изящные статуи будто нарочно были немного спрятаны в тени веток и как бы случайно попадались на глаза прохожему, когда тот оказывался рядом.

Признаться, я залюбовалась. Фигуры выглядели настолько живо и естественно, что невольно я припомнила легенду о медузе Горгоне, которая превращала живых людей в камень, если посмотреть ей в глаза.

Умелый скульптор учёл все детали. Драпировка одежды, дуновение ветра в волосах, эмоции на застывших лицах. Созданные им герои казались живее многих, из тех, кто дышал и топтал подошвами землю.

Опомнившись от любования скульптурой, я покинула парк и вышла к пустырю, за которым на небольшом возвышении стоял мрачный особняк из серого камня с раздвоенной лестницей крыльца.

Поднявшись по массивным гранитным ступеням, остановилась возле двери и, посомневавшись с полминуты, дёрнула висевший сбоку тросик. Я не ошиблась. Из-за закрытой створки послышался звон колокольчика.

Отворили мне быстро. Упитанный лакей с элегантными усами и в тёмно-синем фраке чинно поклонился.

— Добрый день, — поздоровалась я. — Меня зовут Линда Петерсон. Я учительница местной школы. Дело в том, что ваш хозяин по моей вине потерял кое-что. И теперь я должна вернуть ему это. Не подскажете, где можно найти лорда Винсента?

Мужчина задумчиво повёл усами, напомнив обаятельного и невозмутимого радиста Морзе из «Крутого пике». С трудом сдержала усмешку.

— Господин Хальт сейчас занят, мисс, — сказал мужчина.

— И когда он намерен освободиться?

— Этого никто не знает. Но я с радостью помогу вам. Скажите, что именно нужно передать?

Я вынула долото и показала мужчине.

— Дело в том, что мне велено было отдать ему это лично. Скажите, когда я могу зайти, чтобы уж точно застать лорда на месте?

— У господина Винсента всегда очень много дел. Боюсь, я не смогу вам помочь. Но что, если он сам к вам зайдёт? Милорд часто бывает в городе. Назовите ваш адрес.

— Спасибо, не стоит, — остановила я мужчину. — Забегу к вам в другой раз.

Развернувшись, зашагала вниз по ступеням, испытав одновременно облегчение и досаду. Облегчение, потому что совсем не хотелось видеть снова это лицо с застывшим на нём выра-

жением превосходства. А досаду из-за необходимости опять тащиться в это унылое место. Но, что ни говори, парк со скульптурами впечатлил меня.

Я почти миновала аллею, разглядывая застывшие изваяния, многие из которых отличали удивительным оттенком розово-сиреневого. Чуть позже стало ясно, что у женских образов имелись схожие черты. Маленький, немного курносый носик, большие, чуть прикрытые веками раскосые глаза, разомкнутые, будто готовые к поцелую, пухловатые губы, густое облако пышных волос. Приглядевшись ко рту, я заметила даже намёк на зубы и краешек языка в глубине.

Тело нимфы, привлёкшей моё внимание, едва прикрывала полупрозрачная драпировка. А кое-где помимо изящных изгибов стройного стана сквозь мастерски вырубленные складки ткани игриво, и на грани дозволенного проступало то, что приличествует скрывать от глаз посторонних.

Сама собой напрашивалась догадка, что человек, сотворивший всех этих красавиц, был влюблён или пытался изобразить в своём творчестве некий недостижимый идеал. Потому что мраморная девушка была невероятна красива. Потому что, как в песне, нельзя быть на свете красивой такой.

Не знаю, сколько бы я ещё разглядывала тонкую работу неизвестного мне мастера, если бы не мерный стук, который раздался откуда-то из глубины парка.

Я насторожилась.

Хоть меня и не касались дела поместья, но чутьё, любопытство или избыток свободного времени вместе с желанием исследовать чудные декорации нового мира вынудили отодвинуть ветку, за которой показалась едва различимая тропинка. Тропинка эта, протоптанная немногочисленными ходами, изгибалась вокруг большого валуна, пропадая в дикой части парка. И, недолго думая, я пошла по ней.

Стук приближался, и впереди меня могло ждать всё что угодно: от могучего дровосека, вспотевшего от работы и раздетого по пояс до бригады строителей, готовивших господам уютный павильон для отдыха на лоне природы.

Я шагала по корням и кочкам, придерживая юбку, чтобы не зацепилась и не порвалась и, вероятнее всего, до сих пор считала происходящее сном. Иначе безрассудства моего было не объяснить. А ещё — губительного любопытства, которое не позволяло сбавить шаг.

Парк становился всё гуще, принимая с каждой минутой очертания леса. И лишь когда что-то пролетело прямо у меня над головой и скрылось в кроне, я замерла самую малость испугавшись.

На высокую ветку выбежал зверёк, повёл острым носиком, выпрямился настороженно, шевельнул ушами. Похоже, я испугалась белки-летяги. И хотелось верить, что никого опаснее встретить здесь мне больше не доведётся.

Стук затих, когда сквозь ряды деревьев я увидела дом, а дорога стала ровнее, избавляя меня от риска подвернуть ногу. Затейливая конструкция этого дома немного напомнила мне репинские пенаты в Ленинградской области, где мастерская художника на последнем этаже целиком была выполнена из застеклённых рам, чтобы сквозь них поступало достаточно света для работы. Здесь имелся один этаж — полностью деревянный и значительно отличавшийся от учительских коттеджей размахом строительства. Двускатная стеклянная крыша с широкими перегородками при свете дня делала дом отчасти похожим на хрустальный терем.

Жилище отшельника манило теперь особенно, вызывая жгучее желание познакомиться с его обитателем. И, отбросив сомнения, я направилась к дому.

Крышу невысокого крыльца подпирали диковинные идолы, похожие на языческих, умело вырезанные из дерева. Стражи эти хоть и не были живыми, вызывали оторопь, настолько естественно выглядели их суровые лица с густой порослью бровей и бороды.

Набравшись решимости, я миновала их и робко постучала в дверь. Мне не ответили. Тогда я постучала более настойчиво — снова тишина.

Неужели ошиблась? Но ведь звук шёл отсюда, да и обитатель, который ещё минуту назад шумел здесь, не мог уйти так быстро. Я бы увидела его.

Осмелев до краёв, надавила на дверную ручку. Она подалась, и заглянув в образовавшийся проём, я увидела мастерскую. Вдоль стен сложены были куски серо-сиреневого мрамора, в углу у окна стояла тележка, и там же на засыпанном мелкой каменной крошкой столе громоздились беспорядочно инструменты.

Меня посетила нелепая мысль, которую я тут же отогнала от себя. Лорд Винсент не мог быть скульптором. Человек, создавший красоту, что я видела в парке, должен был обладать опытом и умением, которым неоткуда было взяться у молодого повесы. Сколько ему? Двадцать пять? Двадцать семь?

Наверняка местные землевладельцы заплатили какому-нибудь столичному мастеру, чтобы тот украсил парк, и создали ему для этого условия. И, возможно даже, нелюдимый умелец сам упросил поселить его вдали от шумного города, чтобы муза от него не сбежала. Да, именно та самая красotka, чьи черты угадывались в лицах статуй.

Я толкнула дверь и осторожно вошла в дом.

— Добрый день, — заговорила довольно громко, чтобы меня услышали со второго этажа. — Простите за беспокойство. Но мне безумно понравились ваши скульптуры, и я хотела выразить вам своё восхищение, а кроме этого, имею наглость познакомиться с вами. Если вы, конечно, не сумасшедший гений и не спустите меня с лестницы, — последние слова чуть слышно пробубнила себе под нос.

Внутри единственная комната мастера оказалась просторной. Тяжёлый запах каменной пыли немного щекотал рецепторы и забирался в горло, переходя в першение. И ясно было, что помещение давно не проветривалось. Да и убраться здесь было бы нелишним.

В мраморных глыбах разной степени обработки угадывались намёки на застывшее в моменте движение, изгиб руки, бедра, колена. Другие, видимо, привезённые недавно, совсем не обладали ещё формой. Но имелись и готовые экземпляры.

Не только лишь человеческие фигуры составляли экспозицию мастерской. Мне особенно понравился лев. Взгляд зверя устремлялся в пустоту, где он один видел свою цель. Застыв в движении, животное напоминало знаменитых многим по бессмертному кино ленинградских львов и, припадая на задние лапы, собиралось, по-видимому, взять разбег.

Лев соседствовал с многочисленными нимфами и скульптурными группами, глядя на которые не требовались пояснения. Я видела нечто подобное по телевизору. И тогда работа Антонио Кановы «Амур и Психея» поразила меня своей чувственностью, заложенным в ней гимном сексуальности и взаимного притяжения двух тел и двух душ. Мужчина и женщина, страсть и любовь, грех и наслаждение. Надо сказать, скульптуры, что создал местный мастер, ничуть не уступали работам темпераментного итальянца. Распознав сюжет очередного изваяния, я неловко откашлялась, пригладила волосы и поспешила пройти дальше.

Лицо девушки из парка преследовало меня. Оно повторялось от нимфы к нимфе, от стеснительной непорочной девы к страстной куртизанке, чьи юбки застыли в танце, оголяя стройные ножки, а платье упало с плеча, угрожая вот-вот лишить высокую грудь зыбкого прикрытия. Всё в мраморном образе выглядело живым, и, казалось, достаточно было щёлкнуть пальцами, чтобы красавица продолжила свой танец, чувственный, полный жизни, страсти, желания.

— Кто ты? — спросила я у камня, не сдержав порыва. Но не успев сделать шаг навстречу танцовщице, снова замерла.

— Ответ ближе, чем кажется, мисс Петерсон, — услышала я голос из-за спины, а когда повернулась и увидела отжившую нимфу, испуганно вскрикнула. Девушка вторила мне, и

совсем скоро стало ясно, я смотрю в зеркало, а рядом с ним, скрестив на груди руки, подпирает собой бревенчатую стену Винсент Хальт.

Глава 14

Пришлось схватиться за сердце, потому что оно как-то уж очень опасно запрыгало в груди. Множество лиц, что я видела в тот день, сошлись в одно, и сам собой пришёл ответ на вопрос, который мучил меня.

— Ты будто призрак увидела, Линда, — проговорил Винсент, приближаясь.

Я же, не веря глазам, опасливо прикрыла рукой рот.

Мастер знал меня. А ведь этот человек вполне мог иметь с Линдой отношения, любить её, быть одержимым мыслями о ней. И Линда могла приехать в Эттерфилд не столько ради работы, сколько чтобы встретиться с ним. Она была музой скульптора, которого я даже в глаза не видела. И, осознав это, всерьёз испугалась.

Винсент обошёл меня сзади и посмотрел в отражение, тогда как я не в силах была оторвать взгляда от своего нового лица.

Те же большие, раскосые глаза, пухлые губы, невысокий лоб, аккуратный, чуть приплюснутый подбородок. Линда не была красоткой, художник идеализировал её. Но очарования этой женщине было не занимать.

— Он видел её во снах, — заговорил мужчина, с какой-то жадностью рассматривая меня, поднимаясь взглядом от линии плеча до высокой причёски, сковавшей мой затылок. — Она мучила и изводила его, каждую ночь отдавая всю себя в их безумной, горячей близости. И таким сладким было видение, что не хотелось просыпаться, — мужчина попытался коснуться моего плеча, но не осмелился, вызывая своим пылким взглядом и жаркими речами желание сжаться до размеров точки. — Она оставалась тайной для него, увлекая в омут греха и всякий раз ускользала, лишь заканчивалась ночь. А ему оставалось лишь обожать её, воспевать, боготворить и ждать новой встречи, когда наступит ночь.

Последние слова окончательно вскружили мне голову.

— То есть, мы раньше не встречались со скульптором? — зачем-то спросила я, боясь шелохнуться. — В реальной жизни.

— Он бы это запомнил.

— Всё слишком странно. Наверное, мне лучше уйти.

— Не спеши, — пальцы мужчины легли мне на плечи и сжали их. — Ты ведь пришла сюда не просто так.

Я едва не захлебнулась дыханием, выныривая из охватившего меня наваждения.

— Нет, — отступила, чтобы больше не видеть девушки в зеркале, не чувствовать горячих рук, и поняла, как взмокла. — Это совпадение! Просто неудачное совпадение! Я никого не околдовывала и не заманивала! И мне нужно идти.

Я слишком поздно увидела этот взгляд. Жгучий, угольно-чёрный. Колдовская зелень испарилась, словно по волшебству, и её место заняла теперь пугающая тьма. Мужчина в серой рубашке, перепачканной каменной пылью, рукава которой были завёрнуты, оголяя мощные предплечья, надвигался на меня и походил больше на бешеного зверя, готового броситься на добычу, чем на манерного лорда.

— Не приближайся! — вскричала я. — Дай мне уйти! Ты псих ненормальный!

Я огляделась, ища, чем вооружиться. А когда запустила руку в карман юбки и выставила перед собой единственное доступное оружие, Винсент очнулся. Он и впрямь очнулся, потому что до этого виделся мне совершенно другим.

Мужчина прижал ладонь ко лбу и отёр ею лицо, после чего взгляд его, наконец, прояснился и осветлел.

— Откуда это у тебя? — спросил он, указывая на долото.

— Нашла в пыли возле магазина, — сильнее выставила перед собой инструмент. — Дай пройти. Иначе засуну его тебе между рёбер и не посмотрю, что тупое.

Вместо того чтобы насмеяться над моей нелепой попыткой отбиться от него или вновь строить из себя мачо, мужчина растерянно кивнул и отступил.

— Прости, — сказал он, нервно почёсывая растрёпанный затылок. — Я не должен был. Просто ты очень похожа. Да ты и сама это видела. Положи долото на тумбе у двери и можешь уходить. Я не стану больше тебе мешать. С моей стороны это было непозволительно, и мне нет оправдания.

Я слегка опешила от этой его перемены. Не то чтобы мне хотелось драться с ним за свою честь, но любопытство, несмотря ни на что, всё ещё требовало удовлетворения.

Конечно, по-хорошему нужно было воспользоваться ситуацией и бежать от этого маньяка. И я почти подошла к двери, чтобы скрыться за ней. Но на последнем шаге остановилась, не успев положить инструмент, куда было велено.

— Кто всё это сделал? — спросила я, опасаясь повернуться.

— А ты не догадываешься?

Конечно, я догадывалась. Ведь такую одержимость женщиной, чей образ изводил мастера, невозможно было сыграть.

— Я просто не могу поверить. Ты слишком молод.

— И что с того?

— Чтобы создавать подобные шедевры, требуются годы мастерства.

Винсент хмыкнул.

— Рад, что тебе понравилось. Но уверяю тебя, Линда, старик бы не справился с такой работой. У меня ловкие руки, зрение, на которое грех жаловаться, крепкая спина. Но главное — я занимаюсь этим с детства. Теперь ты готова мне поверить?

Сделав над собой усилие, я обернулась. Винсент стоял, подпирая плечом стену, и смотрел на меня. Но не как самец на самку, а иначе. В его взгляде сквозила тоска.

— На вашем месте я бы запечатлела в камне образ возлюбленной невесты, милорд, и не тратила бы время и силы на сомнительный фетиш.

— Но ты не на моём месте, Линда, — сказал он. — И думаю, понимаешь, что из ниоткуда моё видение взяться не могло. Уж тем более после того, как ожившая мечта сбила меня с ног на рыночной площади.

— Это не мечта, а большая фантазия! — возмутилась я, но продолжить мне не дали.

Интонация, какую обрёл голос Винсента, неприятно резанула по ушам.

— Уходи, — сказал он. — И постарайся больше здесь не появляться. Так будет лучше для всех.

Усмирив внутреннее возмущение, которое начало было накатывать новой волной, я всё же расслышала вопль здравого смысла и, ничего не ответив, развернулась, чтобы уходить, чтобы не нарваться и не будить притихшее лихо. А когда почти бегом выбралась из леса, миновала парк и оказалась дома, закрылась на все замки и стала рыться в шкафах.

Мне требовалось отыскать зеркало. Оно должно было иметься в доме. Наверняка его где-то спрятали. И, спустя чуть менее часа, я всё же нашла на пыльном чердаке то, что требовалось. Старенькое зеркало без рамы с проплешинами в напылении кое-как удалось закрепить в неглубокой нише возле печного горнила.

Я долго крутилась перед ним, рассматривая себя со всех сторон и примеряя роль Галатей неудержимого Пигмалиона. Ну да, всё шло не совсем по канону древней легенды, но всё же.

Мы с фантазией лорда одно лицо. И сей факт придётся принять.

Но как?

Что за шутки?

Или моё переселение в тело этой девушки произошло неспроста?

Так, всё, Марина, уйми воображение. Лорд скоро женится, а крутить шашни с женой — последнее дело. Да и какие у нас могут быть шашни? Он же невыносимый тип, избалованный наследник влиятельного папаши, который вместо того, чтобы после смерти главы семейства дела его принимать, закрылся от мира и ваяет. Художник.

Но надо признать, делает он это виртуозно. Мог бы учить других. Даниэля Робсона, например. Хотя зачем ему это?

На следующий день я явилась в школу так, как подобает приличной учительнице. Вовремя и при полном параде. Хоть и подозревала, что если захочет, директриса найдёт к чему придраться.

Но позже выяснилось, старалась я зря, потому что как только отворила дверь кабинета, что-то щёлкнуло, а одежда моя и волосы в мгновение стали мокрыми и холодными.

Глава 15

В ту же секунду я взвизгнула от страха. А когда подняла голову, увидела шмоток чего-то мокрого, свисавший с дверного наличника. Несколько капель прилетели по лбу вдогонку окатившему меня потоку ледяной воды.

Очень хотелось верить, что местный шутник именно водой меня облил, а не чем-нибудь противным или красящим. Но вони вопреки опасениям я не ощущала, хоть это и было слабым утешением.

Стерев с лица влагу, я потрясла руками и, ощутив, что замерзаю, взглянула на ребят. Дети из параллельного класса, чьим уроком днём ранее закончился мой рабочий день, тарасились на промокшую насквозь учительницу и едва не лопались, пытаясь сдержать хохот.

— Что ж, — начала я, смахнув капли со лба, — хорошо, что вы догадались налить воду в кожаный мешок. Удар железным ведром по голове я бы вряд ли пережила.

Некоторые из ребят всё же прыснули со смеху, тогда как другие стали удивлённо переглядываться. Шум, по-видимому, привлёк внимание к нашему веселью, и внезапно позади меня кто-то спросил с угрозой в голосе:

— Что здесь происходит?

Я обернулась и увидела того самого учителя физики и воздыхателя Люси по совместительству. Мужчина недовольно смотрел поверх моей головы на притихших детей.

— О, мистер Браун, — заговорила я, — вы очень вовремя оказались рядом. Хотела выразить вам восхищение, — мужчина нахмурился, не ожидая, видимо, такого поворота. — У вас настоящий талант объяснять материал. Не успев изучить закон, они бросаются проверять всё опытным путём.

Я повернула мокрую голову с некогда идеально причёсанным пучком на ребят и подмигнула. Те окончательно растерялись.

— О чём вы, мисс?

— О силе гравитации, конечно, — продолжила я, распуская волосы, чтобы отжать их. Прикреплённый к двери герметичный мешок, когда я толкнула её, кувыркнулся, запустив воду в свободный полёт, и та, не успев набрать скорость, разбилась о первое попавшееся на её пути препятствие. Вы можете гордиться этими сорванцами, и, я надеюсь, мы не станем сообщать об их экспериментах выше.

Многочисленно глянув на мужчину, я поймала недоумение, отразившееся на его лице. Но длилось это недолго. Поджав тонкие губы, Браун укоризненно покачал головой.

— Кое-кто, — начал он, не сводя с меня глаз, — уж не знаю, зачем, пытается избавить тебя от наказания Генри Диттер. Что ж, давайте сделаем вид, мисс. Вот только прямо сейчас вам придётся отменить урок, чтобы переодеться и высушить волосы. Или это вы тоже намерены скрыть от госпожи Верди?

— А у вас сейчас есть урок, господин Браун? — спросила я, поддавшись к мужчине. Он нахмурился.

— Какое это имеет значение?

— Если вы свободны, будьте так любезны, проведите у них физику.

— Что? Но в расписании нет физики.

— Тогда труды.

— А девочек куда денем?

— Им полезно будет набраться опыта в плотницком деле и научиться работать рубанком. Мужчина усмехнулся. Отбросив назад фалды сюртука, он поставил на пояс руки и сказал:

— Так и быть. Я вас подменю, мисс Петерсон. Выйдете вместо меня в понедельник.

За нашими спинами послышался ропот недовольных голосов. Кто-то несколько раз пихнул в плечо незадачливого смутьяна, которого я успела запомнить в лицо ещё со времён первого своего появления в школе.

Генри Диттер был явно недоволен тем, как всё обернулось. И его одноклассники тоже.

— Ну-ну, — голос физика заставил детей успокоиться. И, пройдя за широкую кафедру, мужчина взял с неё мел и подкинул на ладони. — Не нужно отчаиваться. Наука этого не любит. Она любит, когда её изучают. И сегодня мы проверим, как вы усвоили закон сохранения энергии. К доске пойдёт...

В момент, когда класс окутала тишина, словно затишье перед волной облегчения тех, кого не спросили и отчаяния того несчастного, который не выучил предмет, я закрыла дверь.

Требовалось поспешить, чтобы за один урок успеть переодеться и хотя бы мало-мальски привести в порядок мокрые патлы.

Посетовав на отсутствие фена в этом чуждом мне времени, я ещё разок взъерошила волосы, но как только взялась за дверную ручку, чтобы покинуть школу, кто-то тихо позвал меня.

Возле проёма, ведущего из коридора в холл, стояла Эни и с едва скрываемым интересом разглядывала меня.

— Вы прошли крещение, мисс? — спросила она и улыбнулась.

— Что прошла? — переспросила я.

Девушка нерешительно выступила вперёд и прижалась спиной к стене.

— Дети иногда подстраивают новым учителям этот розыгрыш, — пояснила она. — Странно, что вас не предупредили. Мисс Ники в своё время тоже искупали. Не обижайтесь на них, они не со зла это делают. Дети так проверяют учителя. Тот, кто начнёт кричать и угрожать им, станет тиранить и наказывать за малейшую провинность. Кто расплатится и убежит, если не откажется от работы в первый день, будет предметом для издёвок и колкостей хулиганов. Но всё равно не задержится надолго. Редкий учитель находит в себе силы перевести случившееся в шутку. Тогда он становится для детей другом. Но простите, я заболталась, — девушка, которая до этого говорила непринуждённо, вдруг снова сжалась, а во взгляде её появился испуг. — Конечно, подобное неприемлемо, и виновный должен быть наказан.

— Эни, — я поймала её взгляд. — Я не сержусь на них. И прошу, давай не станем рассказывать обо всём случившемся директору.

На миг лицо несчастной исказил дикий ужас. Но, сглотнув и сделав над собой усилие, она несколько раз кивнула.

— Мне нужно переодеться и сменить причёску, — продолжила я. — Сейчас вместо математики у детей физика. Мистер Браун любезно согласился меня подменить.

— Так значит вы, — Эни осеклась и заозиралась. — Вы не обиделись на них?

— Нет, я многое могу понять.

— Удивительно. Только два или три раз за всё время, что я училась и работала здесь, была свидетелем подобного. В основном педагоги либо злились, либо уходили, затаив обиду. Простите мне мою откровенность, но вы поразили меня. И я хотела бы вам помочь, — последние слова она прошептала чуть слышно, продолжая оглядываться. — У меня есть несколько свободных минут, пока мисс Верди занята. Пойдёмте.

Эни поманила меня и, пройдя до конца коридора, мы оказались перед невзрачной дверью, которая почти сливалась со стеной. Когда помощница директора отворила её, стало ясно, что там располагалась кладовка. Вдоль стен узкого помещения, где одному-то тесно было развернуться, тянулись стеллажи с хозяйственным инвентарём и одеждой для уборки и ремонта. Единственное узкое окно, куда проникали скудные лучи солнца, едва освещало помещение, где помимо прочего имелся ещё шкаф. Раскрыв его, Эни вынула оттуда вешалку с чем-то длинным.

— Полагаю, оно будет вам впору, мисс, — сказала девушка, протягивая мне вещь. — Мы храним здесь парадные платья для важных встреч с представителями власти и других школ. Но в последние годы к нам никто не приезжает, и одежда просто пылится в шкафу.

Я осторожно коснулась платья, напоминавшего своим кроем и высоким воротом одеяние директрисы.

— Мисс Верди не будет против? — спросила я.

— Она не планировала сегодня говорить с вами.

— Но мы можем случайно встретиться.

— Это маловероятно. Мисс почти не выходит из своего кабинета.

Я усмехнулась.

— Складывается впечатление, что она живёт на работе.

— Так и есть, — Эни умолкла, видимо, недовольная тем, что мне удалось разговорить её. — Мы с мисс Кларой живём здесь. Простите, — девушка с неожиданной для неё настойчивостью вложила в мои руки платье. — Вы можете переодеться тут. Сюда никто не войдёт. Всего хорошего, мисс Петерсон.

Помощница директрисы вылетела из двери, оставив меня в полутёмном чулане обдумывать услышанное.

Глава 16

Платье, которое передала мне во временное пользование Эни, оказалось немного тесно в груди. И подсушив как могла волосы, я хотела уже выбираться, полагая, что вот-вот раздастся звонок. Но кое-что привлекло моё внимание, заставив задержаться. То была аккуратно сложенная стопка косынок с кружевом по краю и затейливыми вензелями на одной из завязок. В литерах угадывались буквы, стилизованные под ветви колючих растений. Такая же вышивка имела и на остальных косынках. Нечто подобное я нащупала и в области нагрудного кармана платья.

Предположив, что вышивка — это эмблема школы, решила ещё и платочек прихватить, дабы прикрыть волосы, расчесать которые не было никакой возможности.

Пометив для себя обязательно отблагодарить Эни, от которой ожидала помощи меньше всего, я покинула чулан. А ведь если бы мне пришлось бежать домой, чтобы переодеться, неизвестно, чем бы это закончилось. Погода с утра не заладилась, меня мокрую с ног до головы могло просквозить. И ползала бы с температурой потом на работу, как делала это в своей школе. Потому что детей надо учить. Так и выезжали на морально-волевых во все времена и во всех мирах.

В другой класс заходила с опаской. Сначала подтолкнула дверь с осторожностью, боясь приблизиться, затем осмотрела её, пощупала — мало ли какую ловушку могли подложить юные фантазёры — и только тогда шагнула за порог. Всё время более чем странного захода в класс ребята с первых рядов озадаченно меня разглядывали и перешёптывались.

На этот раз урок прошёл спокойно. И несмотря на то что главный задира в тот день, как обычно, прогуливал, я мысленно окрестила эту группу ребят классом Даниэля Робсона. А тот, где получила порцию бодрящего душа — классом Генри Диттера. Не то чтобы я поощряла хулиганов, но, как ни крути, подобные личности обращали на себя особое внимание и запоминались надолго.

Когда урок завершился, и я, стараясь уйти незамеченной, скользнула в коридор, едва не столкнулась с шедшей мне навстречу Люси. Девушка удивлённо округлила глаза.

— Линда, ты? Я тебя не узнала сразу. И почему на тебе парадное платье?

— Это длинная история, дорогая. Позже я тебе обязательно всё расскажу.

Собралась обойти коллегу, но та ловко развернулась и, подхватив меня под локоть, поравнялась.

— Ты не забыла, что завтра праздник? — спросила она с заговорщическим видом. — Я зайду за тобой. Будь готова к четырём часам.

— Что от меня требуется?

— Лучшее из твоих платьев, романтический настрой и свободу действовать.

— Ты пугаешь меня. Верди нам этого не простит.

— Да какая разница? Кого волнует, что подумает эта женщина, лишённая всех чувств, кроме чувства превосходства. Скоро её власть закончится. И лучше не забывать об этом и заботиться о будущем уже сейчас. На празднике дня Эттерфилда для этого все условия.

Она подмигнула, а я совершенно искренне ничего не поняла.

— Не смотри на меня так, — Люси продолжала загадочно улыбаться. — Неужели ты не слышала, как у нас отмечают этот праздник? — её шумная реакция на мой кивок заставила немногочисленных школьников в коридоре обернуться. А меня насторожить. — Не буду раскрывать тайну. Сама всё увидишь. Тебе понравится, обещаю.

— Не смущайтесь, мисс Линда, — заговорил кто-то, заставив меня и мою спутницу обернуться. — Мисс Люси пытается сообщить вам, — продолжил учитель физики, приближаясь

самоуверенной походкой, — что спустя девять месяцев после праздника, рождаемость региона повышается многократно.

Моя челюсть отвисла, а глаза округлились.

— Вы бываете слишком прямолинейны, мистер Браун, — процедила Люси сквозь зубы и отошла, желая преградить к себе путь мужчины мной.

— Ни к чему ходить вокруг да около. И я уверен, приличной мисс полагается знать о местных порядках, прежде чем на неё начнётся охота.

— Что, простите, начнётся? — я растерянно заморгала, глядя перед собой и убеждаясь в намерении не появляться на этом, прости господи, празднике.

Реджинальд склонился ко мне.

— Выйдем, — сказал он. — Подобные разговоры уж точно не для этих стен.

Люси, ворча себе что-то под нос, плелась следом, тогда как мистер Браун уже начал свой рассказ.

— Реджинальд, — угрожающе позвала она, когда мы оказались возле той самой лавочки, где я впервые увидела этого человека, — спасибо, что проводили. Вы можете идти! Я сама расскажу мисс Петерсон всё, что ей требуется знать.

— Нет, нет, я бы хотела послушать. Продолжайте. Прошу вас.

— Предательница, — проворчала Люси и упала на лавку, скрещивая руки на груди.

Проигнорировав её выпад, я опустила рядом и приготовилась внимать.

— В Эттерфилд существует традиция, — заговорил мужчина, усаживаясь между мной и Люси, легонько подталкивая её, чтобы подвинулась и, заставляя светлые брови сильнее нахмуриться, — если женщина приходит на праздник с ярко-красной деталью в одежде, это означает, что она готова к охоте. Звучит страшно, признаю. На самом же деле она весь вечер будет танцевать с разными мужчинами, вероятнее всего, будет скрываться с некоторыми из них от посторонних глаз, позволяя многое из того, что в обычные дни общество порицает. А когда поймёт, что сделала выбор, отправится с избранником домой. Или в лес. Кому как удобнее.

— Чрезвычайно сомнительный способ искать себе мужа. И уж простите, в моём лексиконе нет приличного слова, чтобы охарактеризовать это безобразие.

Браун хмыкнул.

— Вы плохо думаете о местных женщинах. Но вы правы. Многие идут на праздник за лёгкой любовью, а союзы заключают единицы.

— Значит, тем, кто не намерен искать себе пару, приходиться не стоит?

— Что вы. Обязательно приходите. Кроме распутных игрищ, которые бывают обычно поздним вечером, днём ожидается немало действительно занятных моментов. Лорд Хальт всегда ответственно подходит к организации праздника и, насколько мне известно, снова соберёт в павильонах на площади выставку достижений разного вида ремёсел за последний год.

Ремёсла чрезвычайно заинтересовали меня, и я почти не обратила внимания на красно-речивый хмык Люси.

— Ну да, — бросила она. — А меня вы прямо-таки на технические открытия смотреть звали.

Отвлечшись на неё, мужчина развернулся и, положив руку на спинку лавочки позади девушки, подался к ней ближе.

— Рядом с вами, мисс Нордок меня меньше всего тянет на мысли о науке. Но пару павильонов мы бы с вами точно посетили.

— Уверена, что я порвала бы там рот, зевая от радости.

— Зря шутите. За техническим прогрессом будущее, и одно это вселяет восторг.

— Как же мало вам надо.

— А что надо вам?

— Не ваше дело.

— В таком случае я приглашу на праздник мисс Петерсон.

Наблюдая за их боданием, я не сразу уловила смысл слов мужчины. Люси так вовсе не сумела скрыть удивления.

— Что? — спросила я. — Меня-то зачем?

— Затем, что вы не заскучаете в павильоне с аппаратами, способными передавать звуковые сигналы на расстоянии. По глазам вижу.

— Да что вы?! Такое уже изобрели?! — не удержалась я.

Мужчина самодовольно откинулся на спинку лавочки.

— Я зайду за вами в три.

Он легко поднялся и, кивнув нам на ходу, зашагал по аллее к тропинке, ведущей в город.

Я пожала плечами.

— И как это понимать? — спросила, повернувшись к Люси, которая всё ещё недовольно хмурилась, провожая глазами Реджинальда.

— Неуклюжая месть мне за то, что не пошла с ним. Хочет заставить ревновать. Надеюсь, ты это понимаешь?

— Вполне. Но очень всё неожиданно.

— Просто не бери в голову, — Люси хлопнула меня по коленке и заулыбалась. — Пусть себе думает, что разозлил меня. Я всё равно приду на праздник с Мариусом. А тебе советую, как бы случайно потеряться в толпе и хорошо провести время. Не забудь добавить к образу что-нибудь красное.

Блондинка подмигнула мне, а когда Ники, закончив свой последний урок, отыскала нас, мы отправились домой.

Долго ещё обе девушки напутствовали меня. И выглядело это по ощущениям как в мультиках, когда на одном плече героя сидит чертёнок и искушает его, а на другом — светлый ангел — противник всего греховного.

— Не вздумай красное надевать! — говорила Ники. — Мужики от этого с ума сходят, и их не всегда удаётся остановить, когда жертва уже выбрана.

— Откуда тебе знать? Ты же никогда не участвовала? — хихикала Люси.

— Вот именно. Не участвовала. Но достаточно наслышана.

— Глупости. Всё это совершенно безопасно, — твёрдо заявила сторонница случайных связей.

Ники глянула на блондинку исподлобья.

— Надеюсь, ты не станешь совершать ошибок?

— Почему ты так решила?

— Люси! Одумайся, пока не поздно!

мисс Нордок вздохнула устало.

— Уже поздно, — ответила Люси, и глаза её загорелись. — Мы с Мариусом обо всём договорились. Я как бы стану выбирать, но когда он меня поймает, случится то, чего мы оба так жаждем. О, это будет незабываемо!

— Ты с ума сошла?! — Ники резко остановилась, отчего и мы с Люси замерли как вкопанные. — Он ведь только этого и ждёт!

— Я тоже. Мы помолвлены, не забывай.

Люси с довольным видом продолжила путь.

— Он прячет тебя ото всех и кормит ожиданием лучших времён. Неужели ты всё ещё думаешь, что Мариус Халт намерен сделать тебя частью своей семьи?! Ты для него забавное приключение! Игрушка и после того, как завтра он получит желаемое, он вычеркнет тебя из своей жизни! Подумай, Люси. Ты ведь можешь забеременеть!

— Хватит! — блондинка резко развернулась на месте и стремительно приблизилась. — Тебя не касается, что происходит между нами! Мы любим друг друга и вправе решать, что

нам делать. А ты, вместо того чтобы завидовать, давно обзавелась бы ухажёром и не лезла в чужие отношения!

— Было бы чему завидовать, Люси!

— Замолчи! Надоело!

Мои недавние ангел и демон теперь буравили друг друга пронзительными взглядами, полными негодования. У каждой имелась своя правда, недоступная оппоненту, и хоть я мысленно поддерживала Ники, мне было немного жаль Люси. Её ослепила любовь к лорду. И даже не зная его, я уже понимала, что это за человек. Ведь будь он искренен в чувствах к девушке, давно бы представил её семье. Да даже узнай я, что он пылко влюблён, а родня всячески препятствует его отношениям с Люси, я бы зауважала его.

Успела лишь поднять руку, привлекая внимание, и рот открыть, чтобы сказать что-нибудь примирительное, как вдруг обе девушки синхронного развернулись и быстрым шагом пошли в противоположные друг от друга стороны, взрывая каблуками землю.

Но может оно и к лучшему. А то прилетело бы ни за что от двух взвинченных фурий.

Глава 17

Мне нелегко было принять режим работы в школе Эттерфилда. Его и работой-то назвать язык не поворачивался. Я приходила всего на пару уроков в день, а когда время заканчивалось, не зарывалась в бумажной волоките бесконечных заявлений и пояснительных записок и не пропадала дотемна с факультативами для отстающих и выпускников. Я просто шла домой и там была предоставлена себе самой. Казалось бы, радуйся такой возможности побереечь силы и отдохнуть. Но для отдыха нужно уставать, а я не уставала вовсе.

Набрав из школьной библиотеки книг по истории и краеведению, вечерами я пыталась постичь их. В книгах рассказывалось об огромной могущественной империи, которая после смерти правителя распалась на несколько королевств, а те, в свою очередь — на земли под управлением собственной администрации в лице лордов, но под протекторатом короны. Несколько страниц исторического справочника посвящены были землям округа Арденхилл. Помимо богатых полей, изобилия мрамора и лесных угодий местность отличалась тем, что здесь родился какой-то важный столичный деятель, а ещё — известный поэт, стихи которого изучали в школах. Кстати, о них. В Эттерфилде одной из первых была построена школа для крестьянских детей и детей рабочих. И я бы с грустью пролистала дальше это сообщение, если бы не увидела в углу страницы вензель. А под ним — подпись:

«Именем королевы Анны, добрее и целомудреннее которой не знавал мир, да будут возводиться школы по всему свету на уразумение и воспитание сынов его».

И ниже:

«Школе Эттерфилда даровано право служить на благо отечества».

Вензель с колючками показался мне ужасно знакомым, а когда я, осенённая догадкой, схватила с края стола аккуратно сложенный платок из школьной кладовки, всё сошло.

Так значит, это был не символ школы, а инициалы местной королевы. Она выдала учебному заведению своего рода право вести образовательную деятельность. Ну а теперь на королевские распоряжения кому-то стало плевать, и школу решили заменить предприятием. Интересно, а королева об этом знает? Если эта прекрасная женщина, преисполненная светлых начинаний, конечно, ещё жива.

Закрыв справочник, я взялась за тонкую брошюрку с коротким названием «Арденхилл и окрестности». Но изучение материала пришлось отложить. В дверь постучали.

Отворив её, я увидела тех, кого даже не ожидала увидеть. На пороге стоял генерал Этлрейд, а рядом с ним — падре Густав.

— Добрый день, мисс Линда, — военный широко улыбнулся. — Прошу простить нас за этот внезапный визит. Святой отец сообщил, что вы поселились здесь, и мне захотелось повидаться с вами перед отъездом.

— Железную дорогу восстановили? — удивилась я.

— Пока нет. Но меня ждут в штабе, поэтому пришлось вызывать извозчика в экстренном порядке.

Я перевела растерянный взгляд на Густава.

— Господа, я очень рада видеть вас, но мне совершенно нечем угощать гостей. Есть лишь чай и сухари.

— Не утруждайтесь, — поспешил успокоить меня генерал Максимус. — Ничего не нужно. Я совсем ненадолго. Скажите, как вы устроились? Всё ли спокойно?

— О, всё замечательно. Спасибо вам, — я пригласила мужчин зайти в дом. — Правда, школа, в которой мне дали работу, совсем скоро закроется и придётся искать новое место.

— Печально.

— Ещё бы. Ведь только сегодня я узнала, что школа Эттерфилда получила благословение самой королевы в своё время. И надо же такому случиться.

— К несчастью, — заговорил священник, — ни директор Верди, ни молодой лорд Хальт не собрались обратиться с просьбой к монаршему семейству, что казалось всем нам странным. Ведь дети королевы Анны от её наследия не отказывались и с большим энтузиазмом приняли бразды правления, желая улучшить и приумножить заслуги былых времён.

— Точно, — подхватил генерал. — Король Альберт построил совсем недавно кадетский корпус для обучения пехотинцев. А королева Сюзанна отдала одну из загородных резиденций семьи в ведение местного монастыря, и монахи с её согласия открыли там дом призрения для сирот и нищих.

Какие замечательные люди эти местные короли. И как жаль, что никто даже не попытался этим воспользоваться, чтобы защитить школу. Но и Верди можно понять. Она никто на этой земле, и если стала бы выступать против местной власти, могла пострадать.

Генерал вынул тонкую книжку из небрежной стопки на моём столе, норовящей дать крен и рассыпаться.

— «География», — прочитал он. — Вы правильно делаете, что изучаете особенности региона, — сказал мужчина. — Здесь, в Арденхилл, волшебные места. Чего стоят одни только озёра. А скалы. Вы видели их, мисс?

— Лишь издали.

— Падре, обязательно сводите мисс на экскурсию. Эти камни невероятны. Нигде не найти такого волшебного оттенка мрамора. За ним посылают гонцов из самых дальних уголков света.

— Да, оттенок действительно волшебный, — согласилась я, вспомнив скульптуры в домике Винсента.

— Дело не только в оттенке. Существует легенда, что когда Бог творил землю, он намеревался распределить все богатства свои равномерно. Чтобы людям везде всего хватало вдоволь. Да только споткнулся о гору Карид. Вон она, — мужчина указал на отдалённый объект в окне, который едва проглядывался сквозь дымку тумана. — А споткнувшись, уронил самородок, от которого отламывал куски и который крошил перед собой, как сеятель пшеницу. Глыба воткнулась в землю намертво, образовав хребет, да так и осталась здесь. Я ничего не напутал, падре Густав?

— Всё верно, господин генерал. Но есть ещё кое-что, — мужчина заговорщически оглядел нас. — Я не должен этого говорить. Как раз, наоборот. Обязан порицать и предавать анафеме эти слухи, но они никогда не берутся на пустом месте, а потому слушайте. Считается, что мрамор имеет силу и что в благословенный день родится потомок древних прорицателей, который сможет видеть будущее, лишь коснувшись этого дивного камня. Настолько силен и могущественен окажется он, что ему в равной степени легко будет уничтожить тех, кто неугоден, и привнести покой в свою земную обитель, примирив былое с грядущим.

Я, честно признаться, заслушалась. Но когда заговорил генерал, флёр таинственности слетел с этой не более чем занятой сказки.

— Мои сестра и супруга обожают подобные истории, — усмехнулся он. — Обязательно поделюсь ею с ними, и тогда моим девочкам точно не будет скучно в дороге. Уверен, к нашему прибытию в штаб легенда обростёт новыми деталями. Если от изначальной версии останется хоть что-нибудь. Я должен идти, мисс Петерсон, — мужчина поднялся. — Очень рад был познакомиться с вами, и знайте, что всегда можете написать мне, если что-то понадобится. Мы будем в семи милях отсюда, в графстве Йордок, и простоим в той глуши до конца года.

— Но зачем вы везёте туда сестру, господин генерал? — спросил Густав.

— Чтобы выдать её замуж, конечно. А зачем же ещё? Она станет женой военного офицера.

— А она его любит? — зачем-то спросила я, прикусив следом язык.

Генерал склонил голову и посмотрел на меня так, как я только недавно смотрела на ребят в классе.

— Не считайте меня тираном, мисс. Полин выберет себе мужа из офицерского состава. И я не стану её принуждать, даже если ей никто не понравится. А теперь мне нужно спешить, пока мои девочки не скупили всю рыночную площадь.

Мы уже распрощались возле крыльца. И мужчины зашагали прочь, как вдруг генерал вспомнил ещё кое-что.

— Кстати, мисс Петерсон, — прокричал он, успев пройти пару домов, — Вилли Обрез арестован и приговорён к смерти за все свои злодеяния. На следующей неделе он будет казнён.

Я кивнула, припомнив бугая, который чуть не убил меня. Настроение разом улетело в подпол, а падре Густав, вторя моему состоянию, вдруг помрачнел и перекрестился.

Все эти разговоры о королеве и её поддержке возмущали моего внутреннего борца. Директор Верди могла подсуесться и рассказать ей обо всём хотя бы через третьих лиц, если боялась ответственности за свои рвения. Она создавала впечатление сильной, властной натуры и при всём моём умении чувствовать человеческую сущность должна была хотя бы попытаться.

Решив прерваться с чтением, я принялась собирать книги в стопку, но когда потревожила их, к моим ногам упал листок жёлтой бумаги. Это была вырезка из газеты, где под крупной фотографией с множеством участников шли три столбика мелкого текста.

Судя по всему, фото посвящено было открытию школы. А среди гостей события присутствовала чрезвычайно важная особа. Женщину в богато декорированном платье, с высокой причёской и диадемой в волосах можно было спутать разве что с принцессой. Но что-то подсказывало, это была она. Королева Анна.

Я стала рассматривать других людей. По обе стороны от неё стояли дамы в таких же платьях, какое выдала мне Эни, а на головах их имелись симпатичные шляпки, закреплённые уже известной мне косынкой. Лицо одной из девушек показалось знакомым, даже несмотря на повреждения, которые оставило на оттиске печатника время. Но кого именно напомнила мне учительница былых времён, я так и не поняла.

Между девушкой и королевой, возвышаясь над всеми и выбиваясь своей статью из общего ряда присутствующих, стоял мужчина лет тридцати пяти — сорока. Он носил бороду, за которой непросто было с точностью распознать возраст. Мужчина глядел властно, и, возможно, мне показалось, его рука лежала там, где её не должно было быть по всем законам приличия. Если бы я не надела очки, я бы точно не увидела кончики его пальцев на талии учительницы. Они едва угадывались, создавая характерный ритм складок на ткани платья, но этого хватило, чтобы навести меня на мысль: эту девушку и этого мужчину что-то связывало.

«Королева Анна, лорд Герхард Хальт и учителя в день открытия школы Эттерфилда» — прочитала я под изображением неразборчивый текст.

Ах вот, значит, какой вы, лорд Хальт.

Глава 18

В свой первый выходной в новом мире я выспалась так, как никогда себе не позволяла. Но вспомнив, что за день впереди ожидался, подскочила с постели. Требовалось привести себя в порядок и выбрать из горы нарядов Линды такое платье, где не было бы ни единого намёка на оттенок красного.

Это оказалось сложнее, чем я думала. Если в одном платье меня всё устраивало по цвету, то к фасону с оголёнными плечами или глубоким декольте имелись вопросы. Там, где крой вопросов не вызывал, взгляд спотыкался о красный поясик,вшитый намертво, или о кайму на подоле юбки. Невольно складывалось впечатление, что прошлая обладательница этого тела намеренно готовилась к празднику. Чего стоили одни только кожаные полусапожки оттенка бордо.

Свой выбор я сделала в пользу зелёного платья с круглым вырезом и алым поясом. А чтобы пикантная деталь не бросалась в глаза, скрыла её под жакетом.

Пунктуальный до неприличия Реджинальд Браун ровно в три часа постучал в мою дверь.

Образ мужчины мало отличался от того, что уже успел сложиться. Строгий чёрный костюм, ворот идеальной, без единой складки белой рубашки, зачёсанные набок волосы, томный взгляд. Он был красивый мужчина, этот Реджинальд Браун. И мне нелегко было понять Люси. Неужели Хальт младший не уступал ему? Или, что более вероятно, простому учителю нелегко было тягаться с лордом по причинам более материальным, чем обходительность и обаяние.

— Вы замечательно выглядите, мисс Петерсон, — проговорил Реджинальд, отступив на шаг и рассмотрев меня с ног до головы. — Рад, что послушали моего совета и не надели красного.

— Благодарю вас. Но давайте договоримся обо всём сразу, мистер Браун. Я готова принять, что вы пригласили меня, чтобы позлить Люси. Но ничего, кроме совместного похода на праздник, я вам пообещать не могу. И если вы вдруг захотите продемонстрировать ей, как счастливы со мной, я подыгрывать не стану. Никаких объятий и поцелуев.

Мужчина удивлённо воздел брови, а через секунду широко и белозубо улыбнулся.

— Вы забавная, мисс, — сказал он. — Даю вам слово джентльмена, что у меня даже мысли подобной не возникло. Да, признаю, нервировать мисс Нордок — часть моего плана по завоеванию этой крепости. Но изображать влюблённого, чтобы заставить её ревновать. По моему, это низко.

— Рада, что мы поняли друг друга.

— Пойдёмте, — Браун подал мне руку. — Проведём этот день как добрые друзья.

— Согласна. Только зови меня Линда.

— Тогда для тебя я готов стать Реджи.

Он повёл меня не в город, как я ожидала. Обойдя школу, мы прошли пустырь, который простирался за парковой аллеей, а когда дорога пошла под уклон, я стала замечать вдали поселение с невысокими домиками в несколько рядов. Этот пейзаж был мне знаком по самой первой поездке с падре Густавом. Здесь начинались земли Белрейдов — семейства, которое совсем скоро намеревалось породниться с Хальтами.

— Для праздника в этом году решили использовать главную площадь Крейспира, — пояснил мой спутник. — Будущая тёща лорда Хальта настояла. С тех пор как объявили о помолвке наследников и объединении земель, эту женщину не узнать.

— Она счастлива за дочь. А что ещё нужно матери?

— Здесь всё немного сложнее. Леди Урсула всегда была склочная и скандальная особа. Она рано овдовела, как и Герхард Хальт. И многие годы не теряла надежды на брак с ним.

Рассказывали, что эта женщина, устав от безразличия главы Эттерфилда, спланировала целый спектакль, где требовалось подпоить лорда и уложить его ей в постель. Но тот раскусил её намерение. И в гневе публично оскорбил Урсулу. Простить этого она ему не смогла и стала всячески портить жизнь Хальтам. То жалобу напишет в столицу о злоупотреблении властью, то запретит жителям Эттерфилда проходить по её землям. А ведь иначе не добраться ни до железнодорожной станции, ни до церкви. Последняя её выходка случилась, когда Герхард слёг. Тогда она заявила, что школа стоит на территории Крейшшира, и её нужно снести во что бы то ни стало.

— Но как так вышло, что дети враждующих семейств решили пожениться? Неужели лорд Винсент принёс себя в жертву неуёмным аппетитам этой леди Урсулы?

— Тут я не скажу, потому что только молодой лорд способен объяснить мотивы своих поступков. Но, как бы то ни было, мисс Белрейд довольно мила. И что-то подсказывает мне, даже если Винсент Хальт и впрямь отдавал себя на заклятие, то ему не пришлось прилагать к тому много усилий.

Реджинальд улыбнулся.

Ситуация складывалась неоднозначная. Объединение земель под началом одной семьи, глава которой увеличивал собственные владения. Матушка невесты, которая тоже оставалась в выигрыше, намереваясь открыть на спорных землях лесопилку. Перемена их с дочерью положения в обществе. Оставалось лишь радоваться жизни и ждать появления наследников. Всё складывалось очень даже удачно, если не брать в расчёт школу Эттерфилда.

Когда мы вышли на улицу, в конце которой возвышалась церковь, я стала замечать нарастающее оживление. К тротуарам стекались горожане в нарядных костюмах. Они тоже шли на праздник. Сомнений не оставалось. Хотя бы, потому что почти все женские наряды сочетали в себе что-нибудь красненькое.

— Скажи, Реджи, — начала я, проведив взглядом даму лет шестидесяти в пышной алой юбке и шляпке в тон, — тебе что-нибудь известно о протекторате школы со стороны королевской семьи?

— Насколько я знаю, это всё в прошлом.

— Почему?

— Точно не скажу. Но директор Верди не раз давала нам это понять.

Ну конечно. Кто бы сомневался. Похоже, мисс Клара Верди желала закрытия школы больше, чем местные землевладельцы. Не иначе, те ей денег обещали или внушительные материальные блага.

Людей вокруг делалось всё больше с каждой минутой. Нарастал шум, крики и смех мешались с пением, похожим на частушки. А когда впереди показались расставленные по кругу торговые ряды с палатками и павильонами, я поняла, что мы почти пришли.

Высокий помост с лестницей, занавесью и расставленными на сцене инструментами навевал на воспоминания о городских праздниках в моём мире. Там, конечно, роль виолончелей, гобоев и барабанов выполняли колонки ростом с человека. Но так даже лучше. Живая музыка всегда выигрывала на фоне звукозаписи.

— Они серьёзно подготовились, — сказала я, окидывая взглядом площадь.

— Как и всегда. День основания — главный праздник для этих людей. Пойдём.

Мужчина поманил меня. Пришлось некоторое время пробиваться сквозь народную толщу, а когда давка прекратилась, я поняла, что мы стоим возле одной из палаток, на прилавке которой разложено множество аппетитных по виду угощений.

Люди то и дело подходили и покупали похожие на хот-доги булочки с ароматными соусами, наборы колбасок и выпивку. От последнего я отказалась. И выбрав на пробу пирожок с начинкой из местной зелени, позволила моему спутнику оплатить покупку.

Едва не подавилась кусочком, когда прямо передо мной кто-то дыхнул огнём. Это оказался факир. Собрав вокруг себя зрителей, он метал горящие факелы, жонглировал ими и даже приглашал к участию смельчаков из числа горожан.

Поблизости от него в передвижном балагане разыгрывался незатейливый кукольный спектакль, вызывая взрывы хохота у окружающих его ребят и взрослых.

Мы с Реджи переглянулись, узнав пострелят из школы. Решив не портить своим присутствием отдых ребятам, пошли дальше.

Павильоны ремесленных производств оказались на другом конце площади. То и дело от палатки к палатке сновали взрослые и дети, которых здесь было больше, чем где-либо. Наблюдая за ребятами, с живостью обсуждавшими то, что они уже видели и то, что обязательно нужно посмотреть, я с неподдельным ликованием осознавала: факир и балаган вместе взятые проигрывали на фоне технических новшеств и изобретательской мысли. Когда мы приблизились к одному из павильонов, я остановилась, увидев знакомые лица. Падре Густав и Ники как раз покидали палатку.

— Николетта, это невысказано! — говорил священник с горячностью увлечённого человека, — рамочные ульи — прорыв в пчеловодстве. Представьте себе, больше не придётся разрушать пчелиные гнёзда, чтобы собрать урожай.

— Падре, вы опять забываетесь. Зовите меня Ники.

Она заметила меня и помахала.

Увидев нас, Густав не без усилия скрыл за радушной улыбкой досаду оттого, что их с Ники разговору помешали.

— Я ошибаюсь, или Берт Херпс привёз нечто инновационное в нынешнем году? — спросил Реджинальд, пожимая руку священнику.

— Он превзошёл себя, мистер Браун. Этот человек гений. Создать настолько сложное и одновременно элементарное приспособление. Вы обязаны его увидеть.

— А мне больше понравилась механическая прялка, — проговорила Ники. — У нас ведь не так много пчеловодов. Зато ткачей хватает. Хорошая штукавина. Обязательно посмотрите.

— Вы пришли вместе? — спросила я, чем вызвала смущение у священника, который поспешил оправдаться.

— О нет. Мы с мисс Дейлиш совершенно случайно встретились у павильона с витражами. Очень впечатляющий, надо сказать, павильон. Обязательно сходите посмотреть. Лорд Хальт давно приглашал мастеров Керции продемонстрировать нам свои изделия. И вот они, наконец, приехали.

Пообещав падре изучить все представленные экспонаты, я едва ли не силком потащила прочь Реджинальда, который всё не унимался и желал обсудить со священником вопросы модернизации бытовых и промышленных печей. В итоге даже не заметила, как пролетело время, пока мы, переходя от одного павильона к другому, восторгались такому вот скоплению прогресса в одном месте. Я даже приобрела себе у мастера деревянных изделий складную расчёску, которую удобно было носить с собой в маленькой сумке.

Лорд Хальт неплохо придумал с этой выставкой. Мастера получили дополнительную рекламу, а их клиенты из числа жителей Арденхилл — полезные в быту и работе предметы. Здесь, конечно, тоже имелись свои производства. Вот только спрос они не покрывали в связи с тем, что большинство местных жителей по достижении положенных лет, шли работать на лесопилку или в каменоломни. И если кому-то требовалось подбить сапоги или купить глиняный горшок, зачастую приходилось ездить в соседние города.

Ближе к вечеру павильоны всё же стали пустеть, а ремесленники принялись собирать вещи, чтобы отправиться на постой. Лишь когда заиграла музыка, и мы с Реджинальдом покинули временное пристанище очередного мастера, я поняла, что уже стемнело. Солнце совсем скрылось за деревьями, и в сумерках по периметру площади загорались огни.

В какой-то миг праздник сменил декорации и настроение, перейдя основной рубеж, тогда как людям не терпелось пуститься во все тяжкие.

Кто-то уже танцевал, заражая весельем других, а возле театрального балагана с шумными артистами творилась настоящая вакханалия. Здесь теперь почти не было детей, и я всё же решила подойти.

Вырастающие из-под собранной наскоро сцены ручные куклы, одеты были ярко и нелепо, как и полагалось зрелищному выступлению. Двое из них, чью гендерную принадлежность непросто было определить при первом взгляде, изображали не то драку, не то страстный поцелуй. И вскоре стало ясно, что это точно не драка.

— О, любимый, — стонала кукла, одетая в синее платье, — уходи скорее! Твоя жена всё знает о нас и вот-вот явится, чтобы меня убить!

— Замолчи и дай пощупать тебя, моя сладкая, — отвечал тот же голос, но более низким тембром. — Никакая жена не заставит меня расстаться тобой. Где я ещё найду такую сговорчивую девчонку?

Зрители захохотали. Но когда на сцену ворвался ураган с искажённым яростью нарисованным лицом, в пышном наложении юбок и с гипертрофированной грудью в глубоком декольте, все притихли.

— Гильберт! — взвизгнуло существо. — Я так и знала! Подлец! Негодяй! Правду люди говорили, а я не верила, и ты с этой учительшей по углам зажимаешься! Убью обоих! — кукла взмахнула игрушечной рукой с привязанным к ней кинжалом.

— Уймись, сумасшедшая! — кукла Гильберта спряталась за свою подругу. — Ты постарела, растолстела и хочешь, чтобы я любил тебя, как раньше? Сходи к доктору, голову проверь.

— Да как ты смеешь, презренный муж?! Подлец! После стольких лет!

— Вот именно, старуха!

— Подумал бы о детях!

— Я и думаю. Даже работаю в этом направлении. А ты меня прерываешь!

— Нет, я больше такого позора не вынесу. Лучше смерть!

Взмахнув кинжалом, кукла прижала его к собственному животу и вскрикнула. Из мнимой раны потянулись красные ленты. Люди хохотали всё то время, пока несчастную нелепо мотала по сцене рука кукловода. Но мне не было смешно наблюдать за происходящим. Всё это казалось неправильным и каким-то гадким.

— Ну надо же, — донёсся до меня неприятный голос одной из зрительниц. — Некоторым следовало бы лучше скрывать свои похождения, чтобы не становиться объектом народной сатиры.

Я повернула голову. В отдалении стояли трое: низкорослая толстая женщина в дорогом платье с одутловатым лицом, девушка с пустым, безучастным взглядом и он. Несмотря на сумерки, я видела бледность в лице Винсента, стиснутые от гнева челюсти и ярость в зелёных глазах.

Глава 19

Лорду стоило большого усилия не поддаваться эмоциям. И нетрудно было понять, почему дешёвый спектакль так разозлил его. Ведь прообразом Гилберта был его отец, который имел отношения с учительницей.

Когда ноздри мужчины перестали бешено раздуваться, и он совладал с собой, Винсент сказал:

— Прошу на сцену, дамы. Нас ждут.

Хальт пошёл первым, увлекая за собой женщин. А когда стих последний аккорд мелодии, помог женщинам взойти на помост и поднялся сам.

Я рассматривала мужчину и его спутниц, догадываясь, кто был рядом с ним, а когда Винсент заговорил, и шум гулянья затих, мои мысли подтвердились.

— Жители Арденхилл! — начал он. — В этот радостный день я, моя невеста Лариэль и достопочтенная леди Урсула Белрейд хотели бы поздравить вас с праздником, который все вы так ждали. Отдыхайте, развлекайтесь и помните: совсем скоро наступит заветный час. Удачной всем вам охоты.

Возможно, мне показалось, но зелёные глаза сверкнули вдруг в мою сторону. Мгновение, и затихшая было толпа разразилась единым многоголосым рёвом восторга и какого-то дикого, животного ликования. Горожане бурно зааплодировали, кто-то свистел и гудел как футбольные фанаты на стадионе и только теперь я поняла, что Реджинальда рядом нет. Он куда-то ушёл, оставив меня, тогда как вокруг теперь скапливалось всё больше парочек и одиночек в ощутимом подпитии. Кто-то шумно целовался прямо на площади, не стесняясь свидетелей. В отдалении девушка в лёгком платье с заливистым хохотом убегала от двух мужчин. Всё это вызывало тревожные опасения, и я уже готовилась уйти. А когда рядом вырос здоровенный детина и стал елозить по мне бесстыжим взглядом, сделалось совсем невесело.

Этим людям в их состоянии плевать было, есть у тебя красная деталь в одежде или нет. Они на неё не смотрели. Потому что ко времени начала охоты на площади оставались лишь те, кто искал на свою голову приключения. Все остальные успели уйти.

— Потанцуем, детка? — незнакомец резко потянул меня за руку, и через секунду я оказалась прижата к пьяному мужику, пахнущему одновременно невымытым телом и дешёвым вином. От смеси ароматов закрутило в животе и, упёршись в грудь человека локтями, я попыталась вырваться.

— Пустите, меня ждут! — возмутилась я, уворачиваясь от зловонного дыхания.

— Я первый тебя поймал. Теперь ты моя. Иди сюда.

Со всей силой наступила мужику на ногу, заставив ослабить хватку. Пользуясь этим, бросилась бежать, но тут же врезалась в другого охотника.

Подняв на него глаза, чуть не взвизгнула от ужаса. То был не человек. Зверь самый настоящий. Патлатый, небритый, потный, пьяный и ещё более пахучий, чем первый. Здесь что, не принято к праздникам готовиться?!

С этим я не церемонилась, потому что уже слышала ругательства в спину от первого незадачливого ухажёра.

Оттолкнув мужчину, что было сил, рванула бежать, не разбирая пути.

Никогда ещё мне не приходилось спасаться от погони. Ну не имела я привычки бывать во внеурочный час где-нибудь в глухом переулке или по барам ходить. Зина могла бы поделиться опытом, но её, к несчастью, рядом не было и приходилось действовать по обстоятельствам.

Мой бег, как и ожидалось, привлёк внимание. И вот уже по следу незадачливой учительницы нёсся не один, а как минимум трое мужчин с криками и улюлюканьем.

Прежде я считала, что нет ничего страшнее, чем пистолет бездушного бандита, которым тот целится тебе в голову. Теперь, когда огни площади оставались далеко позади, а я неслась в пугающую тьму, подхватив неудобный, длинный подол, готова была признать ошибку. Преследователи не отставали, выкрикивая похабные гадости. А когда впереди замаячил проём в темноте, я влетела в него и едва не сбила с ног затаившуюся в переулке между домами парочку.

Девушка вскрикнула. Мужчина, обнимавший её, выругался и, схватив свою милку за руку, грубо оттолкнул меня.

Покидая укрытие, парочка невольно задержала преследователей, чем очень выручила меня. Я побежала дальше, окрылённая надеждой, что мне всё же удастся оторваться от погони. А когда, миновав чей-то двор с одинокой курицей, я влетела в выросший передо мной деревянный забор, едва не взвыла от отчаяния.

Бежать больше было некуда.

Это конец.

И я вряд ли сумею доказать мужчинам за спиной, что они ошиблись на мой счёт.

Как-то давно я слышала историю о женщине, которая в состоянии аффекта перепрыгнула через автобус. Вероятно, в ту минуту я тоже пребывала в этом состоянии. Иначе не объяснить было, как мне удалось одним прыжком перемахнуть через забор с меня ростом.

Приземлившись на другой стороне, я ощутила уже забытую боль в колене. Чёрт, а ведь теперь я вряд ли смогу бегать. И простирающаяся впереди дорога к лесу не спасёт меня.

Затаилась, сомкнула веки, прислушалась. Казалось, сердце моё билось так гулко, что его могли услышать те, кто уже рыскал во дворе, переворачивая всё, что попадалось на пути.

— Ну и где эта стерва? — услышала я грубый бас и вздрогнула, сильнее вжавшись в доски спиной. — Дрянь. Отдавила ногу, будь здоров. Найду, укатаю до смерти. Сидеть не сможет.

Кто-то заржал конём в ответ. Потому что смехом при всём желании этот звук было не назвать.

— Я следующий, — сказал кто-то и продолжил поиски, грохоча уложенными вдоль зава- линки дровами и заглядывая в тёмные окна пустого дома.

Наблюдая сквозь щель за мужчинами, я молилась всем святым, чтобы меня не заметили. В темноте пустого двора, обитатели которого, судя по всему, прямо сейчас коротали вечер на празднике, увидеть меня было непросто. Но глаза мужчин вполне могли привыкнуть к отсутствию света, и мой силуэт рисковал быть замеченным в проёме между досками забора. А ещё тело исходило предательской дрожью, которую было не унять.

— Парни, я сваливаю, — сказал третий из мужчин, которому надоело искать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.